

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И
ЗАРУБЕЖНОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРАСОТЕ В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ I В. ДО
Н.Э.- I В. Н.Э. (ПО ДАННЫМ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ)**

Выпускная квалификационная работа
студента(ки) заочной формы обучения направления подготовки
44.03.01 История 5 курса 02031152 группы
Захаровой Ксении Петровны

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент Семичева Е.А.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Красота человека по данным нарративной традиции Древнего Рима	
§I.1 Идеалы мужской красоты в древнеримской литературе.....	17
§I.2 Представления о женской красоте по данным литературных источников.....	35
Глава II. Красота окружающего пространства в представлении римлян	
§II.1 Особенности оформления римских жилищ.....	52
§II.2 Роль природной среды в эстетических представлениях римского общества.....	66
Заключение.....	84
Библиографический список.....	88

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Эстетические предпочтения изменяются со сменной эпох, а вот тяга к прекрасному остается присущей человечеству вне зависимости от времени, от принадлежности к какой-либо нации, от тенденций культуры (а также контркультуры). Понятно, что создавая истинные шедевры, украшая резьбой окружающие предметы быта, одевая себя в яркие роскошные одежды, устраивая прекраснейшие уголки природы у себя дома, человек тем самым желает привнести красоту в свой быт, который, в свою очередь, остается одним из главных средств самовыражения человека, выделения его индивидуальности. Однако, от чего те или иные предметы, явления видятся нам прекрасными, какое содержание вкладывается в это понятие, стремились разгадать на протяжении многих веков философы, ученые, поэты. Каждая эпоха рождает свои идеалы красоты. Представления о прекрасном, существующие в определенном историческом периоде, зависят от специфики и процессов развития данного общества.

Римский социум обладал рядом свойств и особенностей, благодаря которым связь между коренными процессами исторического развития и повседневной жизнью народа выступало отчетливее, чем во многие другие эпохи. Период принципата ярко демонстрирует кризисные явления в различных сферах общественной жизни, которые нашли своё отражение и в массовом сознании, и в повседневной жизни. Греко-восточное влияние обогатило римскую повседневность представлениями об «умении жить», показав великолепие и удобство быта. А резкое появление в Риме богатства преподнесло его жителям самые разнообразные способы обрамления своей жизни. Однако новые веяния не нашли понимания приверженцев нравственности, многие из которых с этого времени начали всё острее ощущать нарастающее расхождение между традиционными ценностями, нормами поведения, с одной стороны, и повседневной реальностью – с другой. Во многих трудах того времени можно встретиться с убеждением, что предки римлян были бесхитростными

и «неиспорченными», когда как в реальности старые идеалы оставались лишь для внешнего соответствия данным представлениям.

Столь же резкая смена нравственных и ценностных ориентиров характерна и для нашего времени. Через средства массовой информации ведется пропаганда самых разнообразных устоев жизни. А культурные и экономические достижения нашей современности продолжают переворачивать взгляды на комфорт и изящество жизни, нередко приводя к отталкиванию традиционных ценностей. Однако, как и в древности, общество сегодня неоднозначно оценивает подобное влияние стилей чуждой культуры, и явление стилизации в целом. Одни легкомысленно смотрят сквозь эти процессы, не осознавая последствий, а иногда видя в этом престижность и задатки развития общества. Другие, напротив, ощущают опасность забвения «корней» (привычных норм), видя в этом разложение морали.

Вышесказанное актуализирует обращение к заявленной проблеме.

Степень разработанности проблемы. Обращение к истории повседневности Рима в зарубежной историографии имеет давние традиции. Однако научный характер эти исследования стали приобретать только в конце XIX – начале XX вв. Из ранних исследований в данной работе использовались такие труды, как «Быт греков и римлян»¹ Ф. Ф. Велишского и «Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов»² Л. Фридлендера. Оба автора собрали богатый литературный и эпиграфический материал, что не вызывает сомнения в их необходимости для изучения различных сторон быта римского общества.

Отдельно стоит упомянуть пятитомный труд Г. Ферреро «Величие и падение Рима». Работа представляет общий очерк по всей истории Рима. Первый том «...Создание империи»³ начинается с событий 78 – 59 гг. до н. э. и заканчивается описанием консульства Цезаря. Здесь автор сопоставляет

---

¹ Велишский Ф. Быт греков и римлян. – Прага, 1878. – Электронный архив «ЯрГУ им. П.Г.Демидова»: [Эл. ресурс]. – URL: <http://elar.uniya.ac.ru/jspui/handle/123456789/1441> (дата обращения 27.01.16).

² Фридлендер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов. Часть I. – СПб., 1914. – 615 с.

³ Ферреро Г. Величие и падение Рима. Том I. Создание империи. – СПб., 1997. – 480 с.

происходившие в Риме общественные процессы и то, как они влияли на поведение общества, приводит немало личностных характеристик. В своем исследовании Г. Ферреро также опирается на работы ученых и на античные источники.

Широкий обзор информации о жизни римлян приведен и в современных работах; таких, как: «Частная и общественная жизнь римлян»⁴ П. Гиро, «Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьёзы»⁵ А. Анжела, «Древний Рим. Быт, религия, культура»⁶ Ф. Коуэль, «Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи»⁷ Ж. Каркопино. Подробно раскрыта роль женщины в римском обществе в работе «Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме»⁸ французских исследовательниц Д. Гуревич и М.–Т. Рапсат-Шарлье. Здесь можно найти достаточно информации о женщинах разного социального статуса; об их воспитании, отношениях с мужьями и любовниками, труде, болезнях, правовом положении, влиянии на политику и исторических процессах, воздействовавших на конкретные стороны их жизни.

Нельзя рассуждать об эстетических идеалах определенной общности, не зная его нравственных ценностей. Мораль регулирует поведение человека во всех без исключения сферах, и именно она формирует мироощущение личности. В работах Л. Винничук⁹, Ж.–Н. Роббера¹⁰ и О. Кифера¹¹ прослежено развитие нравов римлян на протяжении всего существования Рима. Авторы показывают, как определенные исторические реалии отразились на характере и морали общества.

Область взаимодействия античного человека и природной среды также подвергались анализу историков. Данная тематика представлена широким кругом исследований, из которых выделим статью П. Федели «Человек и

---

⁴ Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян.– М., 1995.– 598 с.

⁵ Анжела А. Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьёзы.– М., 2010.– 480 с.

⁶ Коуэль Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура.– М., 2006.– 229 с.

⁷ Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи.– М., 2008.– 420 с.

⁸ Гуревич Д., Рапсат – Шарлье М.– Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме.– М., 2006.– 261 с.

⁹ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима.– М., 1988.– 496 с.

¹⁰ Роббер Ж.– Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений.– М., 2006.– 228 с.

¹¹ Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме.– М., 2003.– 431 с.

природная среда в Римском мире»¹². В ней рассматривается проблема этичности антропогенного воздействия на природу в римском обществе.

С. Вуд в работе «Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа»¹³, исследуя облик городской среды, также касался вопроса природа – человек. Автор пишет, что городским пейзажем Август и его последователи стремились к усилению пропагандистского потенциала города, формируя эстетичный вид Рима, визуально непротиворечивый концентрированной идеологии. Это утверждение в последующем будет проанализировано и в настоящем исследовании.

Различные аспекты заявленной проблематики разработаны и в отечественной историографии.

Для данного исследования огромный интерес представляют работы советского филолога, антиковеда М.Е. Сергеенко. Это такие труды, как «Помпеи»¹⁴, «Простые люди древней Италии»¹⁵, «Жизнь Древнего Рима»¹⁶. В «Помпеях», собрав данные раскопок исчезнувшего под пеплом вулкана города, автор описывает множество мелочей быта римлян I в. н. э. Работа «Простые люди Древней Италии» посвящена жизни трудящегося слоя римского общества – крестьян, ремесленников, рабов, вольноотпущенников, то есть непосредственно создателям материальной культуры Рима. Отметим, что в этом труде впервые делалась попытка по данным немногочисленных источников осветить жизнь простого населения. В работе «Жизнь Древнего Рима» через призму повседневности также обрисована римская история, культурные достижения данного общества. Более узкое исследование М. Е. Сергеенко «О Плинии Младшем»¹⁷, на примере описания личности римского государственного деятеля, характеризует жизнь аристократического слоя Рима.

---

¹² Федели П. Человек и природная среда в Римском мире. // ВДИ 1995 №3.– М., 1995.– С.103–109.

¹³ Вуд С. Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа.: [Эл. ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977> (дата обращения 06.02.16).

¹⁴ Сергеенко М.Е. Помпеи. – М., 1949.– 316 с.

¹⁵ Сергеенко М.Е. Простые люди Древней Италии.– М.,1964.– 172.

¹⁶ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– М., 2000.– 368 с.

¹⁷ Сергеенко М.Е. О Плинии Младшем. // Письма Плиния Младшего. Панегирик Траяну.– М., 1982.– С. 359–371.

Т. А. Бобровникова в работе «Повседневная жизнь римского патриция в эпоху Карфагена»¹⁸, основываясь на строках римских авторов, собрала богатый биографический материал о двух великих римских полководцах Сципione Старшем и Сципione Младшем, и их окружении. На примере абсолютно разных характеров этих героев, Т.А. Бобровникова, по сути, вырисовывает две противоположные друг другу ценностные системы, царивших в Риме на заре империи.

Обширнейшее исследование культуры Рима и ее влияния на повседневность освещается в работах Ю. П. Суздальского «Очерки культуры Древнего Рима»¹⁹ и А. Ф. Лосева «Эллинистически–римская эстетика I – II вв. н. э.»²⁰.

В области советской культурологии неocenim вклад в проблемное изучение римской культуры и быта историка, филолога, культуролога Г. С. Кнабе. Нами использованы монография «Древний Рим – история и повседневность»²¹ и «Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима»²².

Более узкий обзор римской повседневности представлен статьями и публикациями различного характера.

Возвращаясь к исследованию нравственной структуры римского общества, отметим статьи советского историка С. Л. Утченко «Теория падения нравов»²³, «Две шкалы римской системы ценностей»²⁴ и «Еще раз о римской системе ценностей»²⁵, и публикацию В. Т. Звиревича «Римский образ жизни и его ценности в представлении Цицерона»²⁶. Рассмотрев кризис и падение Римской республики, авторы обозначили широкий круг вопросов и проблем

---

¹⁸ Бобровникова Т.А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху Карфагена.– М., 2001.– 493 с.

¹⁹ Суздальский Ю.П. На семи холмах. Очерки культуры Древнего Рима.– М., 1965.– 400 с.

²⁰ Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I - II вв. н. э.– М., 1979.– 413 с.

²¹ Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. – М., 1986.– 200 с.

²² Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима.– М.,1994.– 522 с.

²³ Утченко С.Л. Теория падения нравов. // Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи.– М., 1969.– С. 267–289.

²⁴ Утченко С.Л. Две шкалы римской системы ценностей. // ВДИ 1972 №4.– М., 1972.– С. 22–33.

²⁵ Утченко С.Л. Еще раз о римской системе ценностей. // ВДИ 1973 №4.– М., 1973.– С.30–47.

²⁶ Звиревич В.Т. Римский образ жизни и его ценности в представлении Цицерона. // Исседон. Том II.– УрФУ., 2003.– стр. 111–123.

жизни римского социума. Интересна для данной работы идея С. Л. Утченко о том, что новый образ жизни вовсе не затмевал исконно–римских ценностей, но «примирился»²⁷, преобразовывал на традиционной основе новые формы ментальности римлян.

Более детальное рассмотрение кризиса, его духовного среза, обнаруживается в работах Г.С. Кнабе. В его исследовании «Категория престижности в жизни древнего Рима»²⁸ на материале источников автор по–новому взглянул на трансформацию традиционных римских ценностей, выявив две шкалы престижности. А в статье Г. С. Кнабе «Древний Рим. История, культура, искусство»²⁹, заостряя внимание на проблеме специфики типично римской культуры, автор указывает, что в жизни римлян всегда сосуществовали две противоположных черты – синтез разнородных культурных начал и консерватизм. Так же, как и упомянутый выше историк С. Л. Утченко, автор утверждает, что «... несмотря на открытость Рима и постоянное усвоение им чуждых идей, формы жизни его были специфически римскими, пока Рим оставался гражданской общиной».

Эти утверждения, как основополагающие характеристики римской жизни, будут рассматриваться в данной работе, что позволит взглянуть на проблему римского мироощущения как бы со стороны, избегая крайностей «абсолютного забвения традиций» или «ярого отрицания развития».

В статье «Внутренние формы культуры»³⁰ Г. С. Кнабе проводит исторический анализ римского предметного мира с целью выявления общего структурного принципа римской материальной культуры.

Отметим, что под редакцией Г. С. Кнабе вышел сборник статей, так или иначе касавшихся повседневности, ее материальной культуры. Это ис-

---

²⁷ Утченко С.Л. Две шкалы... – С. 32.

²⁸ Кнабе Г.С. Категория престижности в жизни Древнего Рима // Кнабе Г.С. Быт и история в античности. – М., 1988. – С.163–169.

²⁹ Кнабе Г.С. Древний Рим. История, культура, искусство. // Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория истории и культуры. – М., 2006. – С. 132–157.

³⁰ Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры. // Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория истории и культуры. – М., 2006. – С. 158–170.

следования С. А. Ошерова «Крестьянский быт в поэме «Moretum»³¹, Ю. М. Кагана «О латинских словах, обозначающих одежду»³² и др.

Взаимная обусловленность между природой и человеком интересовала и советских историков. В монографии «Природа и античное общество»³³ историка, археолога, искусствоведа В. Д. Блаватского исследуются изменения природного ландшафта Средиземноморья в период античности, и движущие эти преобразования силы в лице человека.

Тему роли женщины в античном обществе советская историография также не оставила в стороне. Проблемные исследования в этой области представлены сборником статей «Женщина в античном мире» под редакцией доктора исторических наук, антиковеда Л. П. Маринович. Для данной работы интересны вошедшие в этот сборник статьи Н. А. Чаплыгиной «Римская женщина в правление Августа»³⁴ и И. С. Свенцицкой «Женщина в раннем христианстве»³⁵.

Итак, на сегодняшний день написано немало работ, прямо либо косвенно затрагивающих культуру, быт и нравы римского общества. Однако, тема специфики эстетического мироощущения римского общества еще не получила отдельной разработки ни в советской, ни в зарубежной историографии.

Научная новизна. Впервые была предпринята попытка комплексного анализа содержащихся в античных текстах эстетических представлений римлян, и выявлены особенности восприятия римским обществом различных форм прекрасного.

Объектом исследования данной работы является повседневная жизнь древних римлян эпохи поздней республики – принципата.

---

³¹ Ошеров С.А. Крестьянский быт в поэме «Moretum». // Кнабе Г.С. Быт и история в античности.– М., 1988.– С.114–125.

³² Каган Ю.М. О латинских словах, обозначающих одежду // Кнабе Г.С. Быт и история в античности.– М., 1988.– С. 127–142.

³³ Блаватский В.Д. Природа и античное общество.– Москва., 1976.– 237 с.

³⁴ Чаплыгина Н.А. Римская женщина в правление Августа. // Маринович Л.П. Женщина в античном мире.– М., 1995.– С. 104–131.

³⁵ Свенцицкая И.С. Женщина в раннем христианстве. // Маринович Л.П. Женщина в античном мире.– М.Наука, 1995.– С. 157–167.

Предмет исследования – представления о красоте в древнеримском обществе.

Цель – на основе данных нарративной традиции исследовать представления о различных видах и формах красоты, существовавшие в римском обществе периода поздней республики – принципата.

Задачи

– основываясь на данных литературной традиции, выявить, какие представления о красоте человека существовали в римском обществе;

– изучить облик городского и загородного жилища, представленный в римских текстах;

– проанализировать отношение к природе, ее эстетическое значение для римлянина.

Географические границы исследования проходят в пределах Римской империи эпохи принципата – побережье Средиземного моря, часть Западной Европы.

Хронологически исследование охватывает I в. до н.э.– I в. н.э., а именно временной отрезок на момент правления династии Юлиев-Клавдиев и династии Флавиев. Этот период, богатый источниками, дает представление о римских принципах мировосприятия и демонстрирует закономерности их развития и трансформации.

Характеристика источников. Повседневная жизнь римлян получила отражение в произведениях римской художественной литературе. К тому же эти источники богаты эмоциональными характеристиками и являются отражением идей исследуемого периода.

Очень красноречиво в этом смысле творчество поэтов века Августа. Это время явилось эпохой расцвета культуры. Наиболее заметные литературные памятники «Золотого века» составили творчества поэтов, входивших в литературный кружок Гая Цильния Мецената – Гораций, Вергилий, Овидий, Проперций.

Однако, при анализе этих источников, нужно не забывать, что литературная жизнь в период принципата развивалась под давлением его идеологии. Основной темой поэтов кружка Мecenата становится воля к созиданию империи. По существу, характер этой политической программы явственно определен в творчестве Публия Вергилия Марона «Энеида». Наряду с воспитательными задачами в духе этой программы, в его «Буколиках» и «Георгиках», автор дал много живых подробностей, характеризующих быт, хозяйство и социальные отношения его времени.

Поэзия Квинта Горация Флакка также была настроена на политику Августа. Как и Вергилий, он пытался совместить интересы отдельной личности с требованиями государства. В этом духе написаны его «Оды», «Эподы». Вторые получили наибольшую популярность в среде аристократии и, явились стихами на политические темы, поскольку в них выразился протест против гражданских войн. Колорит повседневной жизни различных слоев римского общества отражен в его «Сатирах» и близких по форме и смыслу «Посланиях».

Публий Овидий Назон в своих произведениях ввел многочисленные жизненные зарисовки, рассуждения на моральные темы изящные мифологические рассказы.

«Наука любви» Овидия представляет собой поэму–руководство, посвящённое взаимоотношениям мужчины и женщины. Поэт даёт наставления в поведении юношам и девушкам, обучая культуре отношений.

В целом, любовная поэзия интересна в данном исследовании тем, что она наиболее отчетливо передает отношение общества к женской красоте. В «Любовных Элегиях» Овидий, воспевая свою любовь к некоему идеализированному женскому образу, описывает множество деталей женской повседневности.

«Элегии» Секста Проперция – стихотворения, посвященные возлюбленной Кинфии, а также «Книга стихотворений» Гая Валерия Катулла (любовные стихотворения к Лессбии) выражают все оттенки человеческих эмо-

ций; при этом авторы не скупилась на описание неземных красот возлюбленных. Именно так мы узнаём об идеалах женской красоты августовской эпохи. Огромное значение для исследования общественной жизни Рима имеют и полемические стихотворения Катуллы, где автор описывает поведение политических деятелей (Цинна, Корнелий Непот и др.), своих друзей (Флавий, Вераний, Фабул и др.), а также некоторых представителей зависимого класса.

Значительный интерес представляют специальные труды, посвященные античной материальной культуре.

Сведения о концепциях градостроительства, о частном строительном искусстве, о развитии технических ресурсов Рима августовского века, дает инженер, архитектор Марк Витрувий Поллион в работах «Десять книг об архитектуре».

Немало знаний об уровне развития наук и ремесел древности можно почерпнуть из работы энциклопедического характера «Естествознание. Об искусстве» Гая Плиния Цецилия Секунда (Старшего).

Нравы римлян в имперскую эпоху можно проследить через жанр сатиры, который в это время переживал свой подъем. «Сатирикон» Гая Петрония Арбитра, запечатлевшее нравственное падение разных слоев римского общества, является также ярким произведением, осветившим социально – экономическое развитие Империи, и быт разбогатевших вольноотпущенников.

Быт, тяжелое положение клиентов–бедняков в Риме, социальные контрасты города, пороки римской элиты с исключительным мастерством представлены в «Эпиграммах» испанского уроженца Марка Валерия Марциала.

Еще большую критику поведения римлян привел Децим Юний Ювенал. Будучи хорошо знаком с бытом и нравами господствующих слоев римского общества, наблюдал его разложение, что нашло отражение в его «Сатирах». Ставя в противовес нравы прежних римлян, он акцентирует падение нравов, описывая разврат, обманы, и всевозможные другие пороки. Эти

сравнения также интересны для изучения быта ранних римлян, о которых почти не сохранилось никаких сведений.

Наравне с сатирой, в эпоху принципата расцветает эпистолярный жанр. В ряду их авторов в этот период выделяются Луций Анней Сенека (Младший). Его «Нравственные письма к Луцилию» и трактат «О блаженной жизни» необходимы для исследования образа мыслей людей той эпохи.

Выдающееся положение среди авторов этого жанра принадлежит и Гаю Плинию Цецилию Секунду (Младшему). В «Письмах Плиния Младшего» вырисовываются экономика, общественные отношения, а также культура, быт и политические симпатии преимущественно в среде римской знати.

Существенное значение для репродуцирования истории древности имеет огромное литературное наследие Марка Туллия Цицерона. Будучи сторонником старинных обычаев, в своих трудах Цицерон неоднократно вырисовывал образ «истинной добродетели» сопоставляя его с новыми идеалами. В публичной речи оратора «О предметах искусства» («Речь против Гая Верреса») встает яркая картина, как политической, так и повседневной жизни римских провинций.

С этой же целью (воссоздать образы времен республики) проводился анализ источников, освещающих жизнь личностей республиканского Рима.

Немалый вклад и в описание римской и греческой нравственности внесло произведение I века н. э. «Достопамятных деяний и изречений 9 книг» Валерия Максима. Сам автор не признавал серьезности этой работы; и место предназначение ее указывалось им на обучение в шуточной форме начинающих риторов. Однако, источник богат фактическим материалом из трудов предшественников, что, несомненно, свидетельствует о целесообразности его использования в исследованиях.

Для полноты и достоверности полученных результатов необходимо привлечение исторической традиции. В черед описываемых событий немало данных об экономической, политической и культурной жизни общества. И, несмотря на иной круг вопросов, затрагиваемых авторами, такие источники

косвенно информируют об образе жизни людей, об идеях прошлого и обладают довольно высокой степенью репрезентативности, поскольку не имеют специальной цели оценивать и конструировать соответствующие представления.

Таковыми характеристиками обладает «История Рима от основания Города» Тита Ливия. Она написана в период расцвета империи. Сам труд является описанием исторических событий Рима с древности до августовской эпохи, куда включаются речи различных персонажей, бытовые зарисовки, характеристики некоторых личностей, данные Ливием. Соответственно, в этом труде можно почерпнуть информацию о характере, нравах, образе жизни и мировоззрении римлян. К тому же, это самый полный античный свод по римской истории, изложенный с ярко выраженным восхвалением республиканского времени. Поэтому здесь сосредоточена и характеристика быта этого периода.

Биографический характер труда Гая Светония Транквилла «Жизнь XII Цезарей (в VIII кн.) определяет важность материала по социальной и политической истории Республики, здесь детально описан быт первых правителей Рима, начиная с диктатора Гая Юлия Цезаря, и всех правителей династий Юлиев – Клавдиев и Флавиев.

Описывал нравы римлян (в сравнении с жизнью германских племен) и римский историк Публий Корнелий Тацит в сочинении «О происхождении германцев и местоположении Германии». Произведение написано при правлении Траяна. Немалую ценность в изучении этого периода здесь являются очерки историка о личностях Рима.

Объективность знаний об идеалах определенной эпохи, невозможна без исследования прошлого, на основах которого они формировались. Именно поэтому необходим анализ источников раннего периода, с целью сравнения образов «прошлого и настоящего». Трактат «Земледелие» Марка Порция Катона дает информацию о быте римлян, развитии римской экономики и сельского хозяйства, об управлении имением. Среди своих современников, а так-

же потомков он известен деятельностью, направленной против роскоши и расточительства. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха Катон также идеализируется как борец за славу и благополучие страны, приверженец скромного образа жизни. Во времена Плутарха общество нуждалось в примерах, ведь уже тогда наблюдалась искаженность нравственности.

Итак, обозначенная источниковая база представляется достаточной для решения поставленных задач.

Методы исследования. В целом, стиль и образ жизни, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения представлены такой отраслью исторического знания, как история повседневности. При ее исследовании использовался комплекс исторических и общенаучных методов и подходов. Применение ретроспективного, системного и компаративного методов при работе с источниками позволило воссоздать целостность картины представлений о прекрасном в римском обществе, выявить особенности восприятия предметной среды применительно отдельных личностей. Культурологический подход и принцип историзма способствовали установлению причинно–следственных связей коренных процессов и развития нравов общества и его ценностной структуры. Объективность знания достигалась и такими общенаучными методами, как анализ, синтез информации, методы аналогии исторических явлений, индуктивный и дедуктивный методы.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в педагогической деятельности; для организации уроков истории и факультативов проблемного характера в учебных учреждениях общеобразовательного уровня.

Апробация результатов. Результаты работы апробированы на VIII Международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог – 2016: проблемы истории и филологии», проводимом на базе историко–филологического факультета Педагогического института ФГОУВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Положения, выносимые на защиту.

1. В представлениях о красоте мужчины в римском обществе времени принципата пытались укорениться два противоположных образа: традиционный идеал грубого воина и новый утонченный греко–восточный тип. Но поскольку первое воспринималось пережитком развития и лицемерием, а второе – наглой кичливостью, богатством и утратой нравственности, то общество ищет «срединное» решение проблемы.
2. Ценность красоты для римлян заключалась не просто в эстетическом наслаждении ею; римляне ставят внешность на службу практическим целям: посредством своего облика продемонстрировать значимость, приобрести высокую оценку и уважение в обществе.
3. Простота и минимализм в оформлении и убранстве жилища сменяется пышностью орнаментировки, яркостью и разнообразием декоративной отделки, обилием предметов роскоши (предметов непрактической значимости) и монументальностью самого здания. Вместе с тем, повсеместно наблюдается совмещение традиционно римских форм и веяний моды.
4. Природная среда у римлян имеет эстетическое значение. Однако, в исследуемый период естественная природа, без следов преобразования человеком, становится безынтесной и воспринимается римлянином дикой и опасной. Истинно красивыми считаются лишь искусственно преобразованные ландшафты, характеризующиеся богатством и разнообразием декоративных насаждений, искусными комбинациями различных элементов – камня, воды, зелени, гармоничностью визуального вида созданных природных зон, прилегающих архитектурных построек и окружающей местности.

ГЛАВА I. КРАСОТА ЧЕЛОВЕКА ПО ДАННЫМ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО РИМА

§ I.1 Идеалы мужской красоты в древнеримской литературе

Общественная жизнь связана с бытом потому, что воплощена в людях, и лишь в деятельности людей осуществляются ее коренные процессы — производство, социальные отношения, культура³⁶. Общественное развитие римлян эпохи принципата отражалось как на внешности самого города, так и на облике римского населения. В результате серии победоносных войн, в город устремляются потоки золота, драгоценностей, рабов. Ремесленное производство растет и изощряется³⁷. Также, римское общество претерпевает эллинизацию³⁸, и влияние других, чуждых доныне культур. Вследствие этого, образ жизни приобрел новые более разнообразные и усложненные формы, о чем пишут современники:

«Век простоты миновал. В золотом обитаем мы Риме,
Сжавшем в мощной руке все изобилье земли» (Ov. A.a., III, 110).

Эти изменения не могли не отразиться на представлениях о красоте человека, в частности, мужчины. Посещение *tonsores* (цирюльника) для состоятельных римлян стало, практически, ежедневным занятием. На него возлагалась задача создания изящного вида клиента. *Tonsores* кропотливо создавал его прическу, накладывал на щеки различные краски³⁹ — белила, маскировал кружочками ткани - *splenia lunata* (родинки — мушки) изъяны увядшей кожи, либо освежал цвет лица⁴⁰. Загар, свойственный италийскому мужчине, проводившему большую часть дня в делах под открытым небом, как и прочие несовершенства кожи, теперь считаются не эстетичными, грубыми⁴¹. При-

³⁶ Кнабе Г.С. Древний Рим... С. 10.

³⁷ Там же.— С. 23.

³⁸ Звиревич В.Т. Указ. соч.— С. 111.

³⁹ Гиро П. Указ. соч.— С. 252.

⁴⁰ Каркопино Ж. Указ. соч. — С. 225.

⁴¹ Гуревич Д., Рапсат — Шарлье М.— Т. Указ. соч.— С. 66–67.

знак благородства и аристократичности – белоснежная кожа. Очевидно, это следствие того, что уважаемому римлянину не было необходимости ходить по делам, смешиваясь с простонародьем⁴². В «Одах» Горация упоминается обладатели кожи светлого цвета (III, 9.10), и Марциал пишет о её выбеливании (VII, 25). Естественно, что в этом случае речь идет о представителях элиты.

Отметим, что в облике римлянина усложнилась прическа. Её идеальный вид стал одним из главных пунктов мужской заботы о внешности. Например, несовершенной (ввиду примитивного устройства ножниц, не имеющих оси) стрижке находят альтернативу: пышные кудри, завитые горячими железными стержнями⁴³. Этим нововведением начинает пользоваться римская молодежь. Люцилий рисует нам «новых» юношей. У них длинные кудри. «Они пошевелили головами, так что стали развиваться длинные лохмы, падающие на лоб по их обычаю» (VII, 21)⁴⁴. Согласно «Нравственным письмам...» Сенеки и «Сатирикону» Петрония мальчиков с пышными кудрями содержали при дворцах в качестве украшения быта (Sen., 119, 14; Petron., 27, 1). И несомненно, завитки волос в представлении римлян придавали эффект молодости и свежести. Поэтому, с целью создания юношеского образа, щипцы для завивки волос начинают использоваться повсеместно, независимо от возраста, впрочем, и от того, гармонируют ли кудри с внешностью или нет. Цицерон, бичуя современные нравы, называет таких мужчин женоподобными⁴⁵.

Марциал высмеивает молодящегося Марина, использующего кудри как средства скрытия возрастных изъянов:

Отовсюду собирая редкий волос,
Закрываешь все поле гладкой плечи
Волосатыми ты, Марин, висками,

⁴² Анджела А. Указ. соч.– С. 68–69.

⁴³ Каркопино Ж. Указ. соч.– С. 222.

⁴⁴ Бобровникова Т.А. Указ. соч.– С. 125.

⁴⁵ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 88.

Но все волосы вновь, по воле ветра,
Рассыпаются врозь, и голый череп
Окружается длинными кудрями...
Уж не проще ли в старости сознаться
И для всех, наконец, предстать единым?
Волосатая плешь – ведь это мерзость» (X, 83).
Подобными зачесами пользовался и Юлий Цезарь⁴⁶.

Также прибегали к парикам и накладкам разных цветов. А некоторые красили кожу головы сажей – издали выглядело как темная шевелюра⁴⁷:

«На среднем ложе кто лежит всегда первый,
Помадой трехволосый зализав череп...» (Mart., VI, 74).

На средних триклиниях всегда располагали самых уважаемых гостей, к которым, соответственно, и приковывалось внимание остальных приглашенных. И вид лысины при желании казаться молодым и изящным для какого-либо знатного лица – подлинная трагедия.

Распространилось и окрашивание волос:
«Корчишь, Летин, из себя ты юношу; волосы крася,
Вороном сделался ты, только что лебедем быв...» (Mart., III, 43).

Стиль бороды у римских мужчин также менялся, как и мода на прическу. Подстриженные и вычурные бороды красовались на лицах одних франтоватых молодых людей, другие – напротив, гладко выбривались⁴⁸. В этом деле нередко тон задавали первые лица Рима. Показной блеск стал настолько почетным, что даже рабов посылали к общественным *tonsores*, если только хозяин из соображений экономии не приглашал ими заняться личного брандоброя⁴⁹.

Тяга римских мужчин к утонченности, изнеженности доходила, порой, до самых необычных ухищрений и в уходе за телом. К примеру, широкое

---

⁴⁶ Анджела А. Указ. соч.– С. 18–19.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Киффер О. Указ. соч.– С. 153.

⁴⁹ Каркопино Ж. Указ. соч.– С. 225.

распространение получила мужская депиляция – растительность на теле считалась уродством, поэтому Цезарь делал себе депиляцию, а сам Август, чтобы на ногах росли более мягкие волоски, обычно водил по коже раскаленными скорлупками грецкого ореха. Сенека Старший говорит, что изнеженные юноши «пытаются превзойти женщин в гладкости тел» (I, 8)⁵⁰. Использование восковых полосок на натуральных основах весьма распространилось и как замена бритью⁵¹.

Из примитивного состояния, в котором воспевались гимны честной грязи, римляне пришли к новому, более развитому взгляду на гигиену и опрятность⁵². Использование умашений, масел, помад, духов, пастилок для освежения дыхания стало так востребовано в Риме, что их производство превратилось в процветающую отрасль⁵³. Подобных свидетельств до нас дошло более чем достаточно:

«Как объяснить, что твои поцелуи миррою пахнут,

Что никогда у тебя запаха нет своего?

Странно мне, Постум: всегда издаешь ты запах хороший.

Постум, хорошего нет, пахнуть всегда хорошо» (Mart., II, 12).

Умашениями и маслами натирались не только голова и борода, но и все тело, не только после каждого купания, но и перед пиршествами – хозяин вручал прибывшим гостям притирания вместе с венками (Petron., XXI). Однако, привлекает внимание то, что гигиена зачастую игнорировалась, ведь естественные запахи не удалялись посредством мытья, а могли просто маскироваться.

Недаром и Овидий дает молодым людям множество советов, касающихся общей опрятности внешнего вида; в частности: иметь соразмерную телу, чистую одежду (A.a., I, 510), обувь в пору, с «не ржавую пряжкой», ухоженные руки, стрижку и бороду (A.a., I, 515), пожелание издавать прият-

---

⁵⁰ Сергеев М.Е. Указ. соч. «Жизнь Древнего Рима». - С. 74.

⁵¹ Там же.

⁵² Киффер О. Указ. соч. – С. 146.

⁵³ Там же. – С. 151.

ный запах (А.а., I, 520). О неопрятности очередного щеголя с пренебрежением пишет также Ювенал: «Только где покупаешь этот бальзам ты, которым несет от твоей волосатой шеи?» (II, 40). Источники подтверждают, что представления о красоте основывались не на истинных знаниях о культуре опрятности, а на снобизме.

Подобные проявления безвкусицы объясняются сравнительно низким (по отношению к пришедшим в Рим культурам) уровнем развития римлян. Общество должно было прочувствовать собственную состоятельность, повысить уровень своего благосостояния, чтобы выработать вкус⁵⁴. Систематическое разграбление, происходившее несколько веков, не способствовало этому. Римлянин, вероятно, не был готов к резкому обогащению,⁵⁵ приводящему к расточительству, порой, на нелепые капризы. Так в образе жизни «утвердился *cultus*, в котором слиты изощрение быта, тяготение к искусству, усвоение греко–восточных обычаев – все формы существования, объединенные своей непринадлежностью к кодексу и этикету гражданской общины, к староримской традиции, своей противоположностью ей, и даже отталкиванием ее»⁵⁶. Это обнаруживается при сопоставлении новых идеалов красоты, и сохранившихся в источниках принципата образов римлян республиканского периода. Изначально, в строго организованном римском обществе, «*pater familias*» – это не только отец семейства, но и защитник родины, и хозяин в доме⁵⁷. Тяжелый труд, умеренность и строгость образовывали основные правила жизни этих «людей земли», готовых без колебаний перейти от плуга к спасению родины, и вновь вернуться к земле⁵⁸. Таким описывают источники полководца Сципиона. Сенека, посетив его имение, пишет о той обстановке, как о «месте добровольного изгнания» (Ер., LXXXVI, 3); «под этой убогой кровлей он (Сципион) стоял, на этот дешевый пол ступал...» (Ер., LXXXV, 5), «...омывал тело, усталое от сельских трудов, – ведь Сципион за-

⁵⁴ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 182–183.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Кнабе Г.С. Категория престижности... С. 164.

⁵⁷ Анджела А. Указ. соч.– С. 152.

⁵⁸ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 15.

калял себя работой, и сам (таков был обычай в старину) возделывал землю...» (Ер., LXXXVI, 5).

Плутарх приводит в пример еще одного, неприхотливого в быту мужа Рима – цензор Катон «... никогда не носил платья дороже ста денариев..., припасов к обеду покупалось на рынке всего на тридцать ассов, да и то лишь ради государства, чтобы сохранить силы для службы в войске (Cat., 4); Катон в своем имении «работает вместе с рабами – зимою, одев тунику, а летом нагой, – за одним столом с ними ест тот же хлеб, что они, и пьет то же вино...» (Cat., 3). Перед нами идеал грубых крестьян и воинов с непритязательными, упрощенными представлениями о быте, чья мораль отвергала роскошь и расточительство ведущих к нищете⁵⁹. Но по замечанию того же Плутарха, уже во времена Катона мало было тех, кто, «следуя примеру предков, продолжал трудиться собственными руками, охотно довольствовался нехитрым обедом, холодным завтраком, дешевой одеждой, простым жилищем и считал, что достойнее не нуждаться в излишнем, нежели им владеть» (Cat., 4). Жажда наслаждений приходит на смену духу самопожертвования⁶⁰. При Цезаре строй жизни делается еще более расточительным и изощренным⁶¹. Старомодный образ грубых земледельцев и солдат с их спартанской дисциплиной самоотречения и жертвенностью личным ради общества и республики начал казаться все более деревенским и отсталым⁶² в противовес новому изысканному идеалу. Анализ поэзии подтверждает эти представления: упрек грубости поэтическим образам Суффена бросает Катулл:

«Но почитай стихи... и где ж Суффен прежний?

Из них глядит пастух иль землекоп серый,

И до чего же страшный, не узнать вовсе.

Так, значит, тот, кого мы шутником звали

И тёртым остряком, или ещё хуже, —

⁵⁹ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 15.

⁶⁰ Чаплыгина Н.А. Указ. соч.– С. 106.

⁶¹ Ферреро Г. Указ. соч.– С. 81.

⁶² Коуэль Ф. Указ. соч. – С. 73.

На деле груб, грубее мужичья...» (22).

Немаловажно, что в поэме «*Moretum*», принадлежащей, по многим догадкам, Вергилию, предоставляется описание образа древнеримского крестьянина, где все время подчеркивается его неотесанность и «неэтикетность» его поступков: то он тычется в потемках, пока не стукнется об очаг, то обметает мельницу хвостом передника из козьей шкуры, то бранится во всю глотку⁶³. Представление о центурионе, в римском образованном обществе, как о неотесанном мужлане, в I веке также было ходовым⁶⁴, несмотря на то, что почти непрерывные войны, которые Рим вел в течение II – I вв. до н. э., познакомили римских солдат чуть ли не со всем тогдашним миром⁶⁵.

С приходом новых ценностей появляется новое «общее мнение» о красивом мужчине:

«... Но что значит быть милым, скажи?

«Мил, я скажу, у кого изящно расчесаны кудри,

Кто аромат издает как киннамон и бальзам;

Кто напевает всегда гадесские, нильские песни,

Кто безволосой рукой движет мелодии в такт;

Тот, кто сидит, развалясь, целый день у женского кресла

И, наклоняясь, что нибудь на ухо шепчит всегда;

Кто получает и сам посылает повсюду записки,

Тот, кому страшно, что плащ могут соседи помять...» (Mart., III, 63)

Здесь же Марциал в деталях описывает модника его времени, пытающегося казаться молодым и изящным:

«Руф, посмотри на него: он на первых скамьях восседает,

Даже отсюда горит вся в сардониксах рука;

Множество раз его плащ пропитан тирскою краской,

Первого снега белей тога окутала стан;

Запах помады его весь Марцеллов театр наполняет,

⁶³ Кнабе Г.С. Категория престижности... С. 167.

⁶⁴ Сергеенко М.Е. Простые люди... С. 41.

⁶⁵ Там же. – С. 43.

А на холеных руках ни одного волоска;
На башмаках у него блестит не потертая лунка,
Не натирает сафьян красный мозолей ему;
Точно как звездами лоб его мушками часто залеплен...
Он неизвестен тебе? Мушки отклей – и прочтешь» (II, 29).

Как видно, притязания к оформлению внешности значительно выросли. Богатые и амбициозные аристократические слои начали считать, что стремление наслаждаться приятными ощущениями было не просто осуществимо, а является основной целью жизни. С многочисленными победами, в Риме начался разгул самых жестоких и самых низменных страстей⁶⁶:

«Истинно, век наш есть век золотой! Покупается ныне
Золотом – почесть и власть, золотом – нежная страсть» (Ov. A.a., II, 275);

«Ныне же терпим мы зло от долгого мира: свирепей
Войн налегла на нас роскошь и мстит за всех побежденных.
Римская бедность прошла, с этих пор у нас – все преступленья
И всевозможный разврат...» (Juv., II, 105).

Отсюда в обществе появились постоянные требования борьбы за нравственность, которая отразилась в идеализации культа предков, в попытке возрождении былых нравов и ценностей. Консервативные настроения всегда характерны для эпохи гражданских войн и проскрипций, когда нарушаются фамильные связи и устои общества в целом. О необходимости возвращения к старому убеждали юристы, взывали поэты, рассуждали философы⁶⁷. И если бы они так не думали, мы бы не могли понять, почему таким политикам, как Цицерон, и полководцам, как Сципион, приходилось подражать своим неотесанным дедам⁶⁸: они мылись очень редко, пользуясь при этом грязной водой, и совершали другие поступки, которые Сенека и другие авторы считали осо-

⁶⁶ Сергеев М.Е. Простые люди... С. 40.

⁶⁷ Чаплыгина Н.А. Указ. соч.– С. 106.

⁶⁸ Утченко С.Л. Две шкалы... С. 22.

бенно характерными для истинных древних римлян⁶⁹. Личный пример знаменитых мужей Рима должен был играть известную роль. Тот же Катон, еще в период республики, своей яркой деятельностью против расточительства желал наставить общество на разумное потребление богатств государства: «ни один из его деревенских домов не был оштукатурен, ни разу не приобрел он раба дороже, чем за тысячу пятьсот денариев, потому что, как он говорит, ему нужны были не изнеженные красавчики, а люди работающие и крепкие - конюхи и волопасы...» – пишет Плутарх (Cat., 4). Хотя известно, что его деятельность, помимо службы, приносила ему немалую прибыль⁷⁰.

Но сохранялись данные добродетели не в виде реальных общественных ценностей, воплощенных в людях, действительно ими обладающих, а как предмет стилизации и желания казаться таковым, как набор требующих внешнего соответствия актуальных представлений. Римские авторы перечисляют атрибуты старины, которых пытались придерживаться некоторые знатные особы, опасаясь вызвать осуждение масс – небрежность, незамысловатость внешности, серьезное выражение, прославление нравов древней республики. Однако, подобное лицемерие (так же, как и безмерная погоня за заморскими диковинками) было очевидно, потому современники так щедры на упреки:

«Видишь его, Дециан: прическа его в беспорядке,

Сам ты боишься его сдвинутых мрачно бровей;

Только о Куриях речь, о свободолюбивых Комиллах...

Не доверяй ты лицу: замуж он вышел вчера» (Mart., I, 24);

«Волосы бреют короче бровей...

Этих жалка простота, им в безумстве самом – извиненье.

Хуже их те, что порочность громят словесами Геракла,

О добродетели речи ведут – и задницей крутят...» (Juv., II, 10);

«Как обхожденье, и вид у матроны с блудницей различны,

---

⁶⁹ Киффер О. Указ. соч. – С. 146.

⁷⁰ Утченко С.Л. Еще раз и римской системе... С. 31.

Так отличаться и друг от шута вероломного будет.
Только не лучше такого порока порок и обратный:
Это – мужицкая грубость, несносная с нею нескладность;
Знаки ее – нечесаный волос да черные зубы;
Зваться свободой она и доблестью истинной хочет» (Hor. Epist., I, 18.60).

Подобные расхождения вызвали стремление найти альтернативу идеалу и жизненной действительности, совместить «время, в котором живу» и старинные обычаи, которые *cultus*⁷¹ бы лишь облагородил, освободил от грубости, дикости и грязи:

«Только не вздумай завить себе кудри каленым железом

Или по голеням ног едкою пемзой пройтись...

Мужу небрежность к лицу...

Будь лишь опрятен и прост...» (Ov. A.a., I, 505-520).

«Я согласен, что нам от природы свойственна любовь к собственному телу, что мы должны беречь его, не отрицаю, что можно его и холить, но отрицаю, что нужно рабски ему служить... Кому слишком дорого тело, тому честность недорога...» (Sen. Ep., XIV, 1-2).

Таким образом, в римском обществе пытались укорениться два противоположных образа: так привычный римлянам идеал грубого воина и новый утонченный греко-восточный образ. Но поскольку первое воспринималось пережитком развития и лицемерием, а второе – наглой кичливостью богатством и утратой нравственности, то общество ищет «срединное» решение проблемы. В частности, высказывается мнение о необходимости воспринять нормы гигиены, но отказаться от новых способов украшения и «излишней» роскоши.

Подобные тенденции проявились и в стиле одежды. Отметим, что какие бы изменения не происходили с облачением римлянина, основа гардероба, в целом, оставалась без изменений: нижнее одеяние – туника, и верх-

---

⁷¹ Кнабе Г.С. Категория престижности... С. 163.

нее – тога⁷². И в рамках, которые нам, верно, покажутся узкими, римляне имели острый глаз на отклонения от общепризнанного стиля⁷³. Одежда в их глазах делилась на две главные разновидности – со швами (кроеную), и без швов, драпирующую тело. Последний тип был характерен для египтян, греков, римлян и воспринимался как признак средиземноморской культуры, городской цивилизации, в отличие от сшитой одежды, распространенной у галлов, германцев, парфян – и считавшейся признаком варварства⁷⁴; это и являлось причиной отсутствия в гардеробе римлянина штанов. Такой предмет одежды чужд римской и средиземноморской культуре в целом⁷⁵, хотя они и были предписаны для носки старшим офицерам в действующей армии и всадникам в военном походе ввиду своей практичности⁷⁶, но не общеприняты. Носить что – то, кроме традиционного, было серьезным проступком и каралось суровыми штрафами и нападками общества⁷⁷. Отсутствие разнообразия в гардеробе существовали, в общем, вплоть до конца империи⁷⁸.

Трактат «Земледелие» дает такой перечень одежды римского раба, трудящегося в сельском имении: «Туника, весом 3 ½ фунта, и плащ – через год. Всякий раз, как будешь давать тунику или плащ, возьми сначала старую одежду на лоскутные одеяла. Хорошие деревянные башмаки следует давать через год. (Cato. agr., 59). Туника, плащ и башмаки – вот весь скромный гардероб. Подобная простота конечно наталкивает на многие вопросы... Но М. Е. Сергеенко не сомневается, что раб любого племени, попавший в италийскую усадьбу, получал ту же еду, которой питалось все окрестное сельское население, и одевался в ту же рабочую одежду, которую носил италийский крестьянин⁷⁹, так как очевидно, что у них отсутствовали средства на излишества. Беднота носит тунику в качестве единственной одежды⁸⁰. Гораций рас-

---

⁷² Киффер О. Указ. соч.– С. 139.

⁷³ Коуэль Ф. Указ. соч.– 79.

⁷⁴ Кнабе Г.С. Древний Рим... С. 543.

⁷⁵ Анджела А. Указ. соч.– С. 16.

⁷⁶ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 79.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Киффер О. Указ. соч.– С. 143.

⁷⁹ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 58.

⁸⁰ Анджела А. Указ. соч.– С. 15.

сказал в поучение Меценату, как некий Мена продавал всякий хлам «...людишкам, одетым в туники...» (Epist., 1.7. 60). Древние авторы, интересовавшиеся бытом родной старины, вообще упростили идеал римлянина древности, отвергая наличие туник в гардеробе римлян, и утверждая, что в древнейшие времена вся одежда их состояла из набедренной повязки и тоги. Об этом писал в «Достопамятных деяниях...» Валерий Максим: «Марк Катон, будучи претором, вел судебные дела против Марка Скавра и других обвиняемых и не носил при этом туники, но только магистратскую тогу...» (Ш,6.7), ссылаясь на статуи древних царей, которых изображали только в тогах, без туник⁸¹. Вергилий давал советы пахать и сеять голым, в одной набедренной повязке (Geo., I, 299), в таком именно виде застал за пахотой сенатский гонец Цинцината, когда принес ему известие о выборе его диктатором⁸². Но и то и другое объясняется, скорее, насаждением «нужных» идеалов.

И в Августовскую эпоху в этой основе облачения немного изменяется форма. Туника красавцев (*bellus homo*)⁸³ становится короче, и роскошнее⁸⁴. А те, кого заботила величавость вида, напротив, её удлиняют⁸⁵. У Горация читаем:

«Спросишь, к чему эту речь я веду? К тому, что безумный,
Бросив один недостаток, всегда попадет в противный!
Так, у Мальтина туника отовсюду весит и тащится;
Ну, а другой до пупа поднимает ее, щеголяя»(Sat., II, 20).

Поэтому богач поверх туники должен надеть самое важное облачение римских граждан: тогу⁸⁶. Её семантика состояла, в том, что тога являлась торжественным, государственно обязательным и как бы сакральным одеянием именно римлян, воплощавшим их традиции, их самосознание и отличавшим их от всех других народов⁸⁷. В течение Средней республики (вторая по-

⁸¹ Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 58.

⁸² Там же.

⁸³ Гиро П. Указ. соч.– С. 252.

⁸⁴ Киффер О. Указ. соч.– С. 140.

⁸⁵ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 82.

⁸⁶ Анджела А. Указ. соч.– С. 17.

⁸⁷ Кнабе Г.С. Древний Рим... С. 541.

ловина IV и III в. до н. э.) выработались специальные сложнейшие приемы её надевания и ношения⁸⁸. Светлая, первоначально плотно облегающая тело⁸⁹, спускающаяся изящными складками, она, верно, сообщала величавость, создавая впечатление римской *gravitas* – той «серьезной важности», которую римляне считали своей национальной особенностью, резко отличавшей их от вертлявых и шумных «гречат». Насколько тога была символична для римского гражданина, можно судить по многим фактам: когда в 80 г. до н. э. царь Понта Митридат решил разом покончить с властью римлян в Малой Азии и истребить римлян, находившихся в городах этой провинции, он приказал своим сторонникам убивать всех, кто одет в тогу. Г.Кнабе пишет, что более верного способа отличить римлян от неримлян, по-видимому, не существовало⁹⁰.

Марциал также отождествляет тогу с римским народом:

«Что бы тут ни было, шлет тебе это из дальних пределов
Галлия, имя какой римская тога дала...» (III, 1).

Или:

«Квинтилиан, ты глава наставников юношей шатких,
Римской слава и честь тоги ты, Квинтилиан...» (II, 90).

В правление Августа Вергилий в «Энеиде» назвал римлян «мира владык, облаченное тогою племя» (I, 280). Но, когда мысль и забота о государстве отодвинулись назад, и собственное преуспевание и удобства оказались на переднем плане, тога стала тягостной и ненужной – ее носят по приказу императоров; она превращается в «мундир», в «костюм с галстуком»⁹¹, который надевают только при исполнении официальных и служебных дел и торопятся сбросить по выполнению их. Тертуллиан имел все основания сказать о ней, что это грузная ноша, «которая наваливается на человека»: пышная, торжественная, она плохо защищала от холода, летом в ней было невыноси-

⁸⁸ Кнабе Г.С. Древний Рим... С. 542.

⁸⁹ Гиро П. Указ. соч.– С. 80.

⁹⁰ Кнабе Г.С. Древний Рим... С. 543.

⁹¹ Анджела А. Указ. соч.– С. 18.

мо жарко, и обходилась она дорого. Уберечь ее снежную белизну в тесноте и грязи римских улиц (а иногда и собственной квартиры) было трудно; дома со стиркой ее было не справиться: приходилось обращаться к фулонам. Марциал любил кольнуть людей, имевших несчастье ему не понравиться, тем, что у них «тоги грязнее грязи» (I. 103. 5; VII. 33. 1). Сам он жаловался, что в Риме за лето изнашиваешь четыре тоги (X. 96. 11). Герой Ювенала, уезжая из Рима, радовался, что он попадает в такие места, где человека облачают в тогу только на смертном ложе (III. 171). Марциалу среди прочих условий счастливой жизни нужна была возможность редко надевать тогу (X. 47. 5) и «отдых в тунике» был его мечтой (X. 51. 6)⁹². И её стали вытеснять другие виды одежды: «Правду сказать, в большинстве областей италийских не носит тоги, как в Риме, никто; лишь покойника кутают в тогу...» (Juv., III, 170).

Таким образом, некоторые отказываются от столь символического одеяния ввиду ее непрактичности, но некоторые – также ввиду её «устарелости». Для италийских и римских богачей создан тот условный кодекс приличий, рабами которого до потери чувства серьезного и реального делаются богатые классы, по мере роста цивилизации⁹³: «Здесь же нарядов блеск превосходит силы, здесь тратят больше чем нужно, притом иногда – из чужого кармана...» (Juv., III, 180). Гардероб богатеет разнообразием изукрашенных одежд, роскошных украшений и аксессуаров⁹⁴.

Стали входить в употребление более тонкие, а именно шелковые материи в противовес тяжелой шерсти тоги. Тацит говорит, что в правление Тиберия мужчинам запретили носить шелка (Germ. II, 33)⁹⁵. Анализируя эти строки, О. Киффер считает, что подобных капризы нашли много сторонников, иначе запрет, о котором говорит Тацит – совершенно бессмысленен⁹⁶. Ювенал с упреком пишет моднику, носящему эти новомодные ткани: «Все станут делать, раз ты надеваешь прозрачные ткани, Кретик, и в этой одежде

⁹² Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 58.

⁹³ Ферреро Г. Указ. соч.– С. 82.

⁹⁴ Гиро П. Указ. соч.– С. 253.

⁹⁵ Киффер О. Указ. соч.– С. 140.

⁹⁶ Там же.

громишь, к удивлению народа, разных Прокул да Поллит.... Выступай нагишом: полоумным не стыдно...» (II, 60-70).

Плащи всех видов и всякого покроя, от тяжелых темных, солдатских и дорожных, до легких разноцветных, становятся распространенной одеждой римлянина⁹⁷. По некоторым данным, к примеру, в «Нравственных письмах...» Сенеки, говорится о традиции смены повседневной одежды раз в год, в сатурналии: «... чтобы не выглядеть нарушителями общих обычаев, веселее обедать и сбросить тогу. Ведь то, что раньше принято было только во время неурядиц, в печальную для государства пору, теперь делают для удовольствия, меняя одежду ради праздничных дней...» (XVIII, 2). Позднее процедура смены одежд становится все чаще, и в обычай входит переодеваться ежедневно, к обеду, в особую одежду, так и называвшуюся «обеденной»; чаще всего она именовалась *synthesis*, – что, возможно, и являлось набором разноцветных ярких плащей, которые иногда меняли по несколько раз во время обеда; Марциал издевался над одним отпущенником–богачом, который одиннадцать раз вставал из–за стола, чтобы надеть новую *synthesis* (V. 79)⁹⁸.

В последний век республики стала входить в моду греческая одежда, к примеру, *pallium* – плащ без рукавов, покрывавший тело до колен; у шеи в нем было сделано круглое отверстие, через которое его и надевали⁹⁹. И не удивительно, что блюстители нравственности это не приветствовали. Светоний рассказывает, в какое негодование пришел однажды Август, встретив на Форуме толпу граждан, одетых в заморские плащи: «Вот они - Рима сыны, владыки земли, облаченные в тогу» и поручил эдилам позаботиться впредь, чтобы все, кто появляется на форуме и поблизости, снимали плащи и оставались в тогах» (Aug., 40,5). Стоит отметить, что следующие слова Валерий Максим поместил в главу под названием «О людях, которые ублажали себя в одежде и в жизни более свободным образом, чем было в традиции у пред-

⁹⁷ Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 35.

⁹⁸ Там же.– С. 63.

⁹⁹ Каган Ю.М. Указ.соч.– 129.

ков»: «Мы видим на Капитолии статую Луция Сципиона, облаченного в хламиду и сандалии. Без сомнения, он сам пожелал, чтобы его изобразили в том виде, в котором он обычно и предстал. Да и Луций Сулла, когда командовал армией, не стеснялся ходить по улицам Неаполя в хламиде и сандалиях...» (III, 6.2 – 6.3). «Вот в позументах и в платье до пят, в покрывале огнистом тот, кто носил на священном ремне всю тяжесть святыни и под щитами скакал и потел...» – говорит с упреком Ювенал (II, 120). Эстетизация быта в практической жизни превращалась в эстетику роскоши, извращенного гедонизма, наглой грубости и одновременно художественности, неотделимой от алчности и отталкивания всего привычного в сторону экзотики¹⁰⁰. Поэтому современники, чем дальше, тем решительнее, рассматривали это столетие как катастрофу, как резкий поворот к худшему, как источник кризиса и нравственного распада общества¹⁰¹.

Но в распространенных рассказах источников о безумствах римских богачей обычно упускается из виду, что главным здесь были не траты сами по себе...¹⁰² В этом городе можно было быть кем–нибудь, только постоянно выдвигаясь вперед, открывая свой дом для всех, появляясь ежедневно на форуме, завязывая обширные связи и знакомства¹⁰³. Поэтому внешний вид, придавал необходимый ореол элегантности и значимости в обществе. А простота во внешности, как и бедность, судя по источникам, уже не вызывала симпатии общества:

«Вот человек: он строптив, не по нашему тонкому вкусу

Можно смеяться над ним за его деревенскую стрижку,

За неумелые складки одежд, за башмак не по мерке;

Но он и честен и добр, и нет лучше его человека!» (Hor. Sat., III, 20-30).

Подтверждение этим словам находим у Ювенала: «Что ж, когда этот бедняк действительно служит предлогом К шуткам для всех? Накидка его и

¹⁰⁰ Кнабе Г.С. Категория престижности... С. 162.

¹⁰¹ Кнабе Г.С. Быт и история... С. 23.

¹⁰² Кнабе Г.С. Категория престижности... С. 155.

¹⁰³ Гиро П. Указ. соч.– С. 253–254.

худая и дырявая, тога уже не чиста, башмак запросил уже каши, много заплат на заштопанной рвани открыто для взоров, с нитками новыми здесь, а там уж покрытыми салом...» (III, 140–148); «Хуже всего эта бедность несчастная тем, что смешными делает бедных людей» (III, 149–150). Марциал с пренебрежением описывает тогу клиентов, пришедших просить помощи патрона: коротенькая, мытая–перемытая (X. 11. 6), потертая (XIV. 125), а иногда такого вида, что соломенное чучело, истерзанное рогами взбесившегося быка, казалось более целым (II. 43. 5–6)¹⁰⁴.

И так как роскошь оставалась уделом лишь богачей, да и кичливость богатством не встречала поддержки общества¹⁰⁵, большинству, по мере своих возможностей, оставалось учиться находить середину между «умением жить» и элементарной опрятностью. Но судя по источникам, этой гармонии получить не удавалось¹⁰⁶, и разлад в представлениях о красоте проявлялся повсеместно:

«Есть люди, которые в зле постоянны,
Прямо к порочной их цели идут; а другие мнутся
Между злом и добром. Вот Приск, например: то он носит
По три перстня зараз, а то и единственный снимет;
То он широкой, то узкой каймой обошьет свою тогу,
То он в роскошном чертоге живет, а то заберется
В этакый дом, что и раб постыдился бы выйти оттуда...» (Hor. Sat., II, 110; VII, 10).

Показной скромностью жил и сам Август, желая служить образцом для римского общества. Светоний пишет: «В простоте его обстановки и утвари можно убедиться и теперь по сохранившимся столам и ломам, которые вряд ли удовлетворили бы простого обывателя. Даже спал он, говорят, на постели

¹⁰⁴ Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 67.

¹⁰⁵ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 95.

¹⁰⁶ Кнабе Г.С. Категория престижности... С. 159.

¹⁰⁶ Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 67.

¹⁰⁶ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 95.

¹⁰⁶ Кнабе Г.С. Категория престижности... С. 159.

низкой и жестко постланной. Одежду надевал только домашнего изготовления, сработанную сестрой, женой, дочерью или внучками; тогу носил ни тесную, ни просторную, полосу на ней ни широкую, ни узкую, а башмаки подбивал толстыми подошвами, чтобы казаться выше». А буквально в следующей фразе полностью раскрывается показательный характер жизни императора: «Впрочем, нарядную одежду и обувь он всегда держал под рукой в спальне, на случай внезапной и неожиданной надобности» (Aug., 73)¹⁰⁷.

И Сенека философски намекает на подобные проблемы в нравственности его современников: «Пусть не будет блистательной тога, – но и грязной тоже; пусть не для нас серебряная утварь с украшениями из литого золота, – но не надо считать лишь отсутствие золота и серебра свидетельством умеренности» (Ep., V, 3).

Таким образом, в римском обществе ко времени принципата происходит усложнение внешнего вида римлянина. Знатные мужчины начинают пользоваться косметическими средствами, придавая белизну и свежесть коже, меняя цвет волос. В образе жизни укореняется ежедневная гигиена – принятие ванн, чистка зубов, бритье, и в целом, удаление волос с тела, – как способ сделать себя эстетически привлекательным.

Изменяется и форма мужской одежды. Она становится разнообразнее и роскошнее. В употребление входят дорогие материи, нетрадиционные крои.

Для мужчин становится необходимостью показная значимость своей персоны, демонстрация своих возможностей посредством изящного вида. Однако желание богатого класса блеснуть необычностью и дороговизной своего внешнего вида, судя по источникам, вызывало неприязнь у низших слоев населения Рима, которые все больше разорялись, и которым эта роскошь была не доступна. К тому же чужеземные влияния в специфическом римском обществе расценивались как распространители аморальности, деградации.

---

¹⁰⁷ Чаплыгина Н.А. Указ. соч.– С. 109–110.

Вполне объяснимо в связи с этим возрождение старых идеалов, внешними атрибутами которых была незамысловатость в оформлении внешности, нерушимость традиций состава гардероба (туника, тога, кальцеи), что, судя по мнению большинства римских авторов, также воспринималось неоднозначно и расценивалось как пережиток и лицемерие.

Подобные расхождения в представлениях порождали стремление найти альтернативу идеальным и реальным явлениям. Высказывается мнение о необходимости воспринять нормы гигиены, следить за опрятностью внешнего вида – чистоты, целостности и соразмерности одежды, ухоженности стрижки, ногтей, но отказаться от новых способов украшения и «излишней» роскоши. Однако, найти компромисс не удавалось; одни по-прежнему оставались верны простоте и «неотесанности» предков, а другие «завивали себе кудри каленым железом».

§ I.2 Представления о женской красоте по данным литературных источников

Изменение сознания римской женщины проявилось в ее стремлении к индивидуальности, независимости, в желании более значимой роли в обществе¹⁰⁸. Недаром Тацит остерегал женщин от "соблазна театральных представлений и возбуждения пиров", считая их опасными для невинности и чистоты нравов (Germ., 19)¹⁰⁹. Остерегал, потому что уже в его время римлянке нравилось появляться среди мужчин на Форуме, держать свой дом открытым для гостей или показываться в театре. Это была не только страсть к зрелищам, но и желание показать себя во всей своей красоте¹¹⁰. Ведь красивых женщин воспевают поэты, о них много говорят в обществе. И быть просто опрятной для дамы стало недостаточным...¹¹¹ Для того, чтобы привлекать к себе внимание, Овидий советует женщинам уметь украшать себя и быть све-

¹⁰⁸ Свенцицкая И.С. Указ. соч.– С. 58.

¹⁰⁹ Чаплыгина Н.А. Указ. соч.– С. 121.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Анджела А. Указ. соч.– С. 21

душей в искусствах и культуре (А. а., III, 194; также Am., II, 4.35). Уже на тот момент римлянке было известно множество способов украшения. Палитра декоративной косметики была составлена целой батареей баночек и флаконов, арибаллов и алебастров, *gutti* (сосуды с длинным узким горлышком) и коробочек, где находились притирания, помады, румяна, пудры, тени, и многие другие принадлежности женского туалета, щедро и регулярно используемые¹¹²:

«Сами умеете вы румянец припудривать мелом,

Сами свою белизну красите в розовый цвет...

Нет ничего дурного и в том, чтоб подкрашивать веки

В нежный пепельный цвет или в киднийский шафран»(Ov. A.a.,III, 195).

С помощью этих «медикаментов для лица» достигался образ, соответствующий общепринятым представлениям о красоте. К примеру, лицо делали белым и розовым – белым, как молоко, как лилия, как цвет боярышника, как лебедь, как снег, как слоновая кость или серебро; но никак не бледным – бледность указывала на болезнь; – розовым, как цветок шиповника, но не кирпичным или алым – это считалось грубым¹¹³. Достаточно посмотреть на фрески, и сразу видно, что мужчины всегда изображаются загорелыми, с темно – красным цветом кожи, а женщины – бледными, почти белолицыми. Смысл очевиден: мужчина более смуглый, потому что много времени проводит на открытом воздухе, занятый различными делами (работа, поездки, встречи, охота, война...). Белизна же кожи женщины является синонимом жизни, проводимой дома в «женских» делах и занятиях, в соответствии с традиционными представлениями: воспитание детей, забота о доме, надзор за приготовлением повседневной еды, подготовка праздников и пиров. Все эти дела не требуют от нее выходить на улицу. Так в знатных кругах светлая кожа, являлась частью канона красоты, свидетельствующей

¹¹² Каркопино Ж. Указ. соч.– С. 231.

¹¹³ Гуревич Д., Рапсат – Шарль М.–Т. Указ. соч.– С. 66–67.

о статусе её обладательницы, и делающей её не похожей на обычных женщин (простонародье), ведь римлянке от природы свойственна смуглость. Потому у некоторых это вызывало восхищение:

«Шею, однако, мою она обнимала руками

Кости слоновой белей или фригийских снегов...» (Ov. Am., III, 7.5).

Но достигалось белизна посредством использования опасных для здоровья свинцовых белил. К ним, судя по отзывам немалого количества авторов, римские дамы питали безмерное пристрастие: – «Лишь бы цветуща, стройна, изящна была, не стараясь выше казаться, белей, чем природа ее одарила (Hor. Sat., I, 2); «Так под слоем белил себе приятна Ликорида, черней тутовки спелой...» – писал Марциал (I, 72). Петроний для выражения подобной же мысли прибегает к образному сравнению: «По ее челу, покрытому потом, текут ручьи румян и белил, а в морщинах ее щек так много мела, что их можно принять за старую полуразвалившуюся стену, изборожденную дождем»¹¹⁴. Существует мнение, – главная причина нездоровой популярности свинцовых белил заключалась в том, что они являлись важным компонентом неординарных косметических препаратов Поппеи (жены печально известного императора Нерона). Недаром и Ювенал называет белила «Поппеиной мазью» (VI, 460), указывая на первопричину их популярности. Не менее ста служанок помогали ей поддерживать красоту. Каждую ночь Поппея накладывала на лицо маску из мякоти бобов и по утрам смывала ее во время приема ванны из молока ослиц. После этого кожу императрицы натирали мелом и ядовитым кремом из свинцовых белил, сводивших на нет любые полезные эффекты¹¹⁵. И так как тон в моде задавала «первая леди» Рима¹¹⁶, подражание ей, желание приобщиться к высшему классу нашло широкое распространение среди состоятельных дам.

---

¹¹⁴ Гиро П. Указ. соч.– С. 19.

¹¹⁵ Симпосий Συμπόσιον.: [Эл. ресурс].– URL: <http://simposium.ru/> (дата обращения 8.11.15).

¹¹⁶ Андже́ла А. Указ. соч.– С. 21.

Использовались и помады. Названия им давались в соответствии с цветом - *fuscus, purpurisium* или *minium*¹¹⁷. По словам Овидия, в распоряжении римских женщин было большое разнообразие тонов, но, как и в наше время, излюбленный цвет – ярко – красный. Его получали из кармина или киновари (к сожалению, также ядовитых)¹¹⁸. В целом, ради достижения идеальной внешности римлянки употребляли все известные и доступные в то время средства.

Привлекали женщины внимание и фальшивыми родинками на лице¹¹⁹:

«Ваше искусство заполнит просвет меж бровью и бровью,

И оттенит небольшой мушкой кожу щеки...» (Ov. A. a., III, 195).

Особенно кстати это было, если даме приходилось скрывать небольшие изъяны на коже¹²⁰.

Новый образ жизни отразился и на взглядах на гигиену. Римские женщины регулярно посещали термы, а если речь идёт о зажиточных матронах, то могли использоваться и собственные купальни (*lavatio*) – небольшие ванночки, которые также встречались в юридических перечнях имущества женщин¹²¹. Появился уход за ногтями. Хорошо выровненные, розового цвета ногти считались необходимым условием красоты рук и ног, тем важнее, что в те времена не носили перчатки и чулки¹²². Вдобавок в состоятельных домах частью ежедневной гигиенической процедуры становится уход за зубами; использование зубных щеток, зубных порошков, пастилок для освежения дыхания, пемзы и урины для отбеливания зубов. Вместе с тем во многих произведениях того времени высказывается негативное отношение к нездоровому виду зубов девушек:

«...ты не красотка,

Максимины, а все твои три зуба

---

¹¹⁷ Гуревич Д., *Рансат - Шарль М.-Т.* Указ.соч.– С. 69.

¹¹⁸ Анджела А. Указ. соч.– С. 23.

¹¹⁹ Анджела А. Указ. соч.– С. 22.

¹²⁰ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 92.

¹²¹ Гуревич Д., *Рансат - Шарль М.-Т.* Указ. соч.– С. 67.

¹²² Гиро П. Указ .соч.– С. 187.

Цвета черной смолы иль самшита.

И коль мне, да и зеркалу ты веришь,

То поймешь, что смех тебе опасен...» (Mart., II, 41).

«А у которой неровные, темные, крупные зубы,

Та на улыбку и смех вечный положит запрет...» (Ov. A. a., III, 280).

Также у Овидия встречается следующий совет девушкам:

«Право, тогда почему не добавить бы: чистите зубы

И умывайте лицо каждое утро водой?...» (A. a., III, 195).

Простонародье состояние зубов, по-видимому, часто не заботило. И Овидий сам признавал, что писал эти советы не для уважаемых матрон, у которых процедуры по уходу за собой итак проводились с излишними стараниями, а для обычных девушек¹²³. Становится очевидным, что идеализация внешности не подкреплялась достаточно развитым уровнем гигиены. Почерневшие и потерявшие белизну зубы, обычные для бедняков, шокировали благонаправленное общество, где очень ценились белые, а также далеко не всем доступные, вставные зубы¹²⁴:

«Зубы Таиды черны, белоснежны Лекании зубы.

Что ж? Покупные одни, ну а другие – свои...» (Mart., V, 43);

«Так зубатой себя считает Эгла,

Накупивши костей с индийским рогом...» (Mart., I, 72).

Особое внимание уделялось прическе римлянки. Красота женских волос часто воспевалась, например, у Овидия:

«По белоснежным плечам пряди спадали волос...» (Am., I, 5. 10);

«Ничего не нашлось бы на свете прелестней!

Донизу бедер твоих пышно спускались они» (Am., I, 14. 45) – пишет поэт о прелести красотки Коринны.

Несомненно и то, что римские дамы, отправляясь в общество, редко оставляли волосы просто распущенными. Они предпочитали причесывать их

---

¹²³ Киффер О. Указ. соч.– С. 300.

¹²⁴ Гиро П. Указ. соч.– С. 191.

каким–либо из бесчисленного количества способов. Как иначе мы объясним гигантское разнообразие причесок, упоминаемых Овидием¹²⁵:

«Следи за прической –

Здесь ведь решает одно прикосновение руки! –

И не забудь, что не все и не всех одинаково красит:

Выбери то, что к лицу, в зеркало глядя, проверь.

К длинным лицам идет пробор, проложенный ровно:

У Лаодамии так волос лежал без прикрас.

Волосы в малом пучке надо лбом и открытые уши –

Эта прическа под стать круглому будет лицу.

Можно на оба плеча раскинуть далекие кудри,

Как их раскидывал Феб, лиру певучую взяв;

Можно связать их узлом на затылке, как дева Диана,

Что, подпоясав хитон, гонит лесное зверье;

Этой к лицу высокий начес, чем пышнее, тем лучше,

Та – волосок к волоску пряди уложит плотней;

Этой будет хорош черепаховый гребень Киллены,

Той – широкий поток вольных волнистых волос...

А для иных хороша и небрежность: чтоб ты причесалась

Утром сегодня – но пусть кажется, будто вчера!..» (А. а., III, 125–145, 150).

Достаточно взглянуть также на монеты или скульптурные портреты римских императриц и других знатных дам, чтобы убедиться в перечисленном разнообразии. Прическа должна следовать моде, а моды сменялись очень быстро¹²⁶. Интересно, что в августовскую эпоху, когда принимались меры по пресечению испорченных нравов, на дошедших до нас скульптурных изображениях сестры императора Августа – Октавии, перед нами предстает образ скромной, утонченной женщины с завитком на лбу, сделанным по моде

¹²⁵ Кифер О. Указ. соч.– С. 144.

¹²⁶ Гиро П. Указ. соч.– С. 191.

времен республики, следуя традициям старых нравов во внешнем облике¹²⁷. Однако, призывы к скромному внешнему виду при столь широком разнообразии средств не могли остановить модниц, желающих блеснуть яркостью своего образа. Простота становится не актуальной: «Но больше всего времени и сил тратят они на укладку волос. Одни женщины прибегают к средствам, которые могут сделать их локоны светлыми, словно полуденное солнце: как овечью шерсть, они купают волосы в желтой краске, вынося суровый приговор их естественному цвету. Другие, которые довольствуются черной гривой, тратят все богатства своих супругов: ведь от их волос несутся чуть ли не все ароматы Аравии. Железными орудиями, нагретыми на медленном огне, женщины закручивают в колечки свои локоны; излишек волос спускается до самых бровей, оставляя открытым лишь маленький кусочек лба, или пышными завитками падает сзади до самых плеч...» (Лис.)¹²⁸.

Особая популярность в то время белокурых волос объясняется модой на экзотическую внешность. Чаще всего встречались римлянки–брюнетки с выющимися волосами, что казалось серым по сравнению с контрастной яркостью белых локонов различных оттенков – огненный, пепельный, золотой, в который окрашивалась какая–нибудь знатная особа дорогостоящим привозным средством, либо приобретаемый фешенебельный парик из волос германских женщин. За счёт своего цвета, это были самые дорогие волосы¹²⁹, и римские дамы тут же страстно возжелали обладать такими же вместо своих черных кудрей:

«Волосы пленных тебе прислать из Германии могут,

Будет тебя украшать дар покоренных племен...» (Ov. A. a., I, 14. 45).

Ювенал писал, что светлый парик носила императрица Мессалина¹³⁰:

«Блудная эта Августа бежала от спящего мужа;

Черные волосы скрыв под парик белокурых, стремилась

¹²⁷ Чаплыгина Н.А. Указ. соч.– С. 121.

¹²⁸ Киффер О. Указ. соч. – С. 152.

¹²⁹ Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 36.

¹³⁰ Киффер О. Указ. соч.– С.143

В теплый она лупанар, увешанный ветхим лохмотьем...» (II, 6.110).

Красились и в другие, самые разнообразные цвета; не только ради моды, но и маскируя нежеланные изъяны внешности:

«Ну, а у женщины есть для седин германские травы,
Соком которых она станет темней, чем была...» (Ov. A. a., III, 160).

Понятно, что частые завивки и окрашивания портили волосы, приводя то и дело к печальным последствиям и курьезам. Вид испорченных волос, а иногда и облысевшей головы, считался достаточным основанием для насмешек и гарантированного увековечивания в стихах. К тому же искусственная красота не могла полноценно и незаметно заменить естественные женские прелести, потому в источниках столько упреков на этот счет:

«Да постигнут все беды в подземном мире ту девушку, которая в безрассудстве станет портить волосы притворными красками!...» (Prop., 2, 18);

«Сколько я раз говорил: «Перестань ты волосы красить!»

Вот и не стало волос, нечего красить теперь...» (Ov. Am., I, 14. 45);

«Были так мягки они и легкому пуху подобны, –

Сколько, однако, пришлось разных им вытерпеть мук!

Как поддавались они терпеливо огню и железу,

Чтобы округлым затем лучше свиваться жгутом!...» (Ov. Am., I, 14. 20 – 25);

«Помню, подруге моей обо мне доложили внезапно -

Вышла красотка, парик задом надев наперед» (Ov. A. a., III, 245).

Все же эти заявления не влияли на жажду яркого проявления себя:

«Женщина может купить накладные густейшие кудри

И по доступной цене сделать чужое своим;

В этом не видят они никакого стыда, и торговля

Бойко идет на глазах у Геркулеса и Муз...» (Ov. A. a., III, 165).

Такую виртуозную причёску украшали разнообразными драгоценными изделиями: булавками¹³¹, шпильками изысканной работы, ободками, щедро усыпанными драгоценными камнями, диадемами, сеточками из золота, крепивших «греческий узел», жемчужными шапочками, лентами из дорогих материалов¹³².

Отметим, что с изощрением нравов, общество стало более свободно смотреть на тщательность убранства женщины. Под ним понимается именно то, насколько женщина была скромна в искусстве украшать тело. Особенность украшения одеждой женской фигуры заключалась в том, что stole (эквивалент мужской тоги¹³³) старательно придавали красивую форму посредством драпировки. Римлянки умели изъяслять себя, не меняя покрой одежды, лишь разнообразя драпировку, относительно которой не было ограничений. Женщина могла выставлять свое тело напоказ в той степени, в какой считала корректным и уместным. Величаво и строго выглядели уважаемые матроны в столах с длинными церемонными складками¹³⁴: «Спущена стола до пят, и накинута мантия сверху...» (Hor. Sat., I, 90). Но совершенно иной эффект производила дамочка легкого поведения, облаченная в легкую прозрачную тунику, как Корина у Овидия (Am., I, 35). У модницы одежда была яркой, из дорогих привозных тканей – очень тонкого сукна, шелка, либо хлопка, в том числе муслина–паутинки¹³⁵. Развитие внешней торговли открывало невиданное до ныне разнообразие в этой сфере. Плиний Старший пишет: «Здесь можно увидеть столько товаров из Индии, а если пожелаешь, то и из счастливой Аравии, что кажется, будто там остались лишь голые деревья, а местным жителям, если им что понадобится, приходится ехать сюда, дабы воспользоваться своими же плодами. Тканей из Вавилона и украшений из более отдаленных варварских стран доставляют вам больше и легче, чем если бы

---

¹³¹ Гуревич Д., Рансат–Шарль М.–Т. Указ. соч.– С. 66.

¹³² Там же.– С. 50.

¹³³ Каган Ю.М. Указ. соч.– С. 132.

¹³⁴ Кифер О. Указ. соч.– С. 137.

¹³⁵ Гуревич Д., Рансат–Шарль М.–Т. Указ. соч.– С. 66.

нужно было привезти что-нибудь с Наксоса или Кифна в Афины...¹³⁶»; «Вот сирийские одежды, если только можно назвать их одеждой, в которых нет ничего такого, чем можно было бы защитить тело или стыдливость. Эти одежды за огромные деньги вывозятся на продажу малоизвестными народами, дабы наши матроны всенародно являлись в том виде, в каком являются в своих опочивальнях...» (XI, 22). – Здесь речь идёт о дорогих косских тканях, которые появились с развитием роскоши, и очень быстро приобрели популярность; «Жизнь моя, что пользы, когда ты выступаешь с пышным убором волос, когда твоё тело нежно овеивает Косская ткань, когда ты умащаешь локоны мирром с берегов Оронта и превращаешь себя в выставку заморских даров, когда портишь природную прелесть покупными украшениями и не даёшь себе сиять собственным блеском, какая ты есть?..» (Prop., 1.5). Но в основном, нарядами из таких вызывающих материалов пользовались женщины, живущие за счет любви, о чем пишет Гораций:

«Здесь же – все на виду: можешь видеть сквозь косские ткани
Словно нагую; не тоще ль бедро, не кривые ли ноги;
Глазом измеришь весь стан...» (Sat., I, 2. 101).

Женские одежды часто дополняли драгоценными вышивками тончайшей работы, иногда, золотыми швами и узорами из самоцветных камней¹³⁷. Были в гардеробе и туфли, – у богатых, – очень дорогие, также осыпанные драгоценностями¹³⁸.

Как видно, весь облик создавался с целью изъяснения себя, своего статуса: «Мы видели Агриппину, супругу принцепса Клавдия, сидевшую рядом с ним во время устроенного им зрелища морского сражения, облачённой в тканый, без другого материала, золотой военный плащ...» (Plin., XIX, 63). На званых ужинах, либо других светских местах положено было демонстрировать максимально возможное количество дорогого блеска.

¹³⁶ Гуревич Д., Рапсат-Шарль М.–Т. Указ. соч.– С. 66.

¹³⁷ Суздальский Ю.П. Указ. соч.– С. 31.

¹³⁸ Там же.

Этим же можно объяснить и страсть римлянки к драгоценностям, особенно к камням. Использовались, алмазы (в перстнях и серьгах), опалы, изумруды и бериллы. Далее шли многочисленные полудрагоценные камни – ониксы, горный хрусталь, яшма, халцедон. Их вставляли в украшения¹³⁹. Особенно ценился жемчуг¹⁴⁰. Его, согласно Овидию, часто носили в серьгах:

«Так не вдевайте же в уши себе драгоценные камни,

Те, что в зеленой воде черный находит индус...» (А. а., III, 130).

Иногда серьга состояла всего из одной (без оправы и дополнений) жемчужины, либо алмаза, настолько они были крупными¹⁴¹. Сенека говорит, что женщины иногда «расточали на одних ушах по два, а то и по три состояния» («О благодеяниях», VII, 9)¹⁴². Известны броские золотые серьги в форме полумесяца или миниатюрных золотых весов с жемчужинами по краям. Знамениты золотые либо бронзовые *crotalia*, названные так потому, что позвякивают при каждом шаге¹⁴³.

Кольца в Риме появились давно. Но до принципата делали их из железа, и использовали их в практических целях, как печать. С развитием роскоши среди знати появились мода носить золотые кольца, как ювелирные украшения¹⁴⁴:

«Палец укрась, перстенок, моей красавице милой.

Это подарок любви, в этом вся ценность его...» (Ov. Am., II, 15.40).

Иногда женскую ручку украшало единственное массивное, широкое золотое кольцо, в центре которого вставляли драгоценный камень, либо делалась круглая пластинка прозрачайшего горного хрусталя, напоминающего стекло иллюминатора. В нише под ним гравировался чей-либо портрет. Его черты были хорошо видны благодаря легкому увеличительному эффекту хрустальной пластины и искуснейшей работе ювелира. В эту эпоху подоб-

¹³⁹ Кифер О. Указ. соч.– С. 141–142.

¹⁴⁰ Роббер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 203–204.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Кифер О. Указ. соч.– С. 141–142.

¹⁴³ Анджела А. Указ. соч.– С. 148.

¹⁴⁴ История Древнего Рима.: [Эл. ресурс].– URL: <http://ancientrome.ru/> (дата обращения 27.11.15).

ный предмет является эквивалентом медальончиков с фотографиями детей или родителей, которые мы можем видеть на женских шеях в наше время¹⁴⁵. Не редкость, когда пальцы дам украшали порядка шестнадцати колец (по два на каждый палец за исключением двух средних)¹⁴⁶.

Руки и ноги тоже украшали драгоценными браслетами различного назначения. Петроний описывает хвастовство одной римлянки своими украшениями: «Дело скоро дошло до того, что Фортуната сняла со своих жирных рук запястья и принялась хвастаться ими перед восхищенной Сцинтиллой. Наконец она и ножные браслеты сняла, и головную сетку также, про которую уверяла, будто она из червонного золота...» (LXVII). Это могли быть плоские браслеты, на греческий манер змеиными петлями обвивающие руку, либо браслеты, с обращенными друг на друга львиными или змеиными головами, с глазами из изумруда¹⁴⁷, на щиколотках – другие обручи- *periscelides*, что-то вроде золотых «хальхалей», в которые заключали свои лодыжки арабские женщины из «большого шатра»¹⁴⁸.

Всевозможные ожерелья (*monile*), подвески (*catellae*), жемчужные и золотые нити («с грудью в золоте...» (Juv., VI, 120)) красовались на шеях модниц. Необычно смотрелось длинное ожерелье из больших колец, надетое крест-накрест, на манер патронташа¹⁴⁹.

Впрочем, только от скромности женщины зависело дополнение своего облика различными аксессуарами, да и фантазия римских ювелиров была поистине безгранична. Известны римские пряжки, застёжки и фибулы (украшения, похожие на наши брошки), сделанные из драгоценных металлов, и украшенные еще более дорогими камнями¹⁵⁰. К модным ювелирным безделушкам относились также янтарные и хрустальные шары, которые дамы из высших слоёв носили в руках¹⁵¹, а так же опахала из перьев редких замор-

¹⁴⁵ Анджела А. Указ. соч.– С. 148.

¹⁴⁶ Гиро П. Указ. соч.– С. 185.

¹⁴⁷ Гиро П. Ука. соч.– С. 185.

¹⁴⁸ Каркопино Ж. Указ. соч.– С. 237.

¹⁴⁹ Анджела А. Указ. соч.– С. 148.

¹⁵⁰ Киффер О. Указ. соч.– С. 141–142.

¹⁵¹ История Древнего Рима.: [Эл. ресурс].– URL: <http://ancientrome.ru/> (дата обращения 27.11.15).

ских птиц¹⁵². Был в наличии римлянки и зонтик, с таким же, как сегодня, механизмом раскрывания спиц¹⁵³, и, не редко, с богато инкрустированными ручками¹⁵⁴.

У некоторых известных женщин доходили до того, что они действительно безвкусно перегружали себя избытком тяжелых драгоценностей, вне зависимости от того, подходящий был случай для подобной демонстрации драгоценностей, или нет. Характерная для римлян подмена простого, сложным, громоздким и бросающимся в глаза, опять же, объясняется неспособностью за такой короткий промежуток времени привыкнуть к хлынувшему благосостоянию. Не удостоверившись окончательно в собственной самодостаточности, элита проявляет наглую демонстрацию своего богатства, чтобы повысить свой престиж среди подобных, потому как у остального большинства подобное поведение вызывало непонимание, отталкивание:

«Нужно ли мне говорить и о платье? И здесь бесполезно

И золотое шитье, и финикийский багрец.

Право, безумно таскать на себе все свое состоянье,

Ежели столько вокруг красок дешевле ценой!..» (Ov. A. a., III, 165–170).

Со временем роскошь для именитых жен Рима становится основной частью их образа жизни, смыслом существования. В длинной череде законов против роскоши, принимавшихся в Риме на протяжении, по крайней мере, трех веков, обращает на себя внимание закон Оппия (*lex Oppia*): «Закон запрещал римским женщинам иметь больше полуунции золота, носить окрашенную в разные цвета одежду, ездить в повозках по Риму и по другим городам или вокруг них на расстоянии мили, кроме как при государственных священнодействиях»¹⁵⁵. Пресекались траты по причине того, что социальное расслоение и падение морали были налицо, что раскрывается в речи Катона: «Стыдно казаться скупой или нищей, но ведь закон избавляет вас и от того и

¹⁵² Суздальский Ю.П. Указ. соч.— С. 31.

¹⁵³ Анджела А. Указ. соч.— С. 68–69.

¹⁵⁴ Суздальский Ю.П. Указ. соч.— С. 31.

¹⁵⁵ Квашнин В.А. Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн.: [Эл. ресурс].— URL: <http://ancientrome.ru/publik/kvashnin/kvash02-02.htm> (дата обращения 15.11.15).

от другого... Вот как раз с таким равенством я и не желаю мириться, – говорит богачка. – Почему мне позволяют привлечь внимание обилием золота и пурпура?..» (Liv., IV, 14).

У Поппеи упряжные животные были подкованы золотом, и ее в дороге всегда сопровождали пятьсот ослиц, чтобы можно было каждый день устраивать ванны из их молока¹⁵⁶. Плиний рассказывает, что супруга императора Калигулы владела жемчугами и изумрудами на сумму более чем в 400 тысяч фунтов (IX, 35.58). О. Кифер со ссылкой на Петрония пишет, что жена кичливого миллионера Тримальхиона носила золотые браслеты весом более шести фунтов¹⁵⁷.

Всё это намного превосходило возможности представительниц среднего класса. А римлянки раннереспубликанского времени едва ли имели представление о жизни в такой блистательной красоте. Согласно традиционным взглядам, понятие «матрона» предполагает личность волевою, твердую, властную, то есть, хозяйку дома, занимающуюся воспитанием семьей и домом¹⁵⁸. Особо похвально для женщины, судя по источникам, в источниках считалось занятие прядением и шитьем. Август носил одежду, изготовленную лишь руками жены, дочери и сестры, что говорит о почетности домашних занятий¹⁵⁹. «Предки наши не позволяли женщинам решать какие – либо дела, даже и частные, без особого на то разрешения...» – говорил цензор Катон, подтверждая отдаленность женщин и от общественных дел (Liv., XXXIV, 11). Она не показывалась на утренних приемах и на форуме¹⁶⁰. И люди позднереспубликанской и раннеимперской эпох, очевидно, ссылались на подобный идеал¹⁶¹.

Современники с сожалением увековечивали падение нравов, свидетельство – речь Катона Старшего: «Отцы наши помнили еще, как Пирр через

¹⁵⁶ Гиро П. Указ. соч.– С. 280–283.

¹⁵⁷ Кифер О. Указ. соч.– С. 141–142.

¹⁵⁸ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 135.

¹⁵⁹ Сергеев М.Е. Простые люди... С. 35.

¹⁶⁰ Гиро П. Указ. соч.– С. 253–254.

¹⁶¹ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 135.

посла своего, Киней, пытался соблазнить дарами не только мужчин римских, но и женщин. В ту пору не было еще Оппиева закона, дабы положить предел женской роскоши, однако ни одна не согласилась принять дары Пирра. Почему отказались они, как вы думаете? По той же причине, по какой наши предки не принимали никаких законов против роскоши: коли нет роскоши, нечего и пресекать. Прежде чем искать лекарство, надо узнать, какова болезнь; так же и со страстями – когда они родились, лишь тогда начинают принимать законы, призванные их обуздать. Так что же удивительного, что сенат не видел необходимости ни в Оппиевом законе, ни в любом другом, призванном ограничить женщин в тратах? Ведь в те времена женщины сами упорно отвергали золото и пурпур, хотя бы им их и предлагали. А если бы Киней в наши дни обходил со своими дарами Город, немало встретил бы он таких женщин, что с радостью приняли бы их» (Liv., XXXIV, 4 – 11);

Или:

«Зачем вам дорог жемчуг, бисер Индии?

Иль чтоб жена в жемчужном ожерелии

К чужому ложу шла распутной поступью?

К чему смарагд зеленый, дорогой хрусталь,

Иль Кархедона камни огнецветные?

Ужели честность светится в карбункулах?

Зачем жене, одетой в ветры тканые,

При всех быть голой в полотняном облачке?..» (Petron., LIV).

Сенека Старший отмечал, что упадок нравов в Риме дошел до таких размеров, что "никого не сочтут слишком легковверным, если он заподозрит женщину в неверности" (II. 15)¹⁶².

Итак, по мере развития роскоши облик римлянок, их причёска, одежда, макияж становились сложнее и богаче. Появляется многообразие косметических средств. Используются всевозможные ароматические масла и притирания, составы для поддержания молодости. При воздействии иных культур

---

¹⁶² Чаплыгина Н.А. Указ. соч.– С. 105.

приходят новые идеалы красоты. В моду входит выбеливание кожи, окрашивание волос, либо использование цветных париков.

Развивались и представления о гигиене. Практикуется ежедневное посещение терм, принятие ванн, чистка зубов, уход за ногтями, удаление волос и т.п.

С раскрепощенностью нравов изменились и представления об искусстве одеваться. Строго и величаво выглядели знатные матроны в плотных столах с длинными церемонными складками, с яркой вышивкой и аксессуарами из драгоценных камней.

О простых женщинах известно мало. Но несомненно, что, они не обращали на себя столько внимания и довольствовались простотой быта. При резкой классовой дифференциации, царившей в Риме в это время, такая роскошь была не доступна. Да и времени на длительные туалеты не было, – их утро начиналось со множества дел. Заметим, что рисуя женские типы, римские авторы имеют в виду женщин высшего класса.

По иному выглядела и женщина легкого поведения, носящая легкие прозрачные ткани.

Так внешний облик демонстрирует положение римлянки в обществе. Поэтому богатые женщины стремились к нагромождению ярких тканей, аксессуаров в своем убранстве, сложнейших причесок и экзотическому макияжу. К тому же, это являлось способом блеснуть красотой и остаться замеченной. Ведь в период принципата из всех видов общественных дел, римлянки принимали участие лишь в развлечениях, а желание эмансипироваться росло.

Жены императоров и вовсе не знали здесь ограничений. Дорогие импортные товары стали настолько востребованы в Риме, что впоследствии эта страсть вылилась в череду законов против роскоши.

Вывод к главе I. Рассматриваемая эпоха характеризуется изменением в представлениях о красоте внешнего облика граждан Рима. Наблюдается приверженность именитых римлян к необычной утонченной эстетике. Все больше заимствуются греко – восточные элементы, и все заметнее становится отход от традиционных норм в оформлении внешности. И ценность этой экзотической для римлян красоты заключалась не просто в эстетическом наслаждении ею; римляне ставят свою внешность на службу практическим целям: желание посредством своего облика продемонстрировать свою значимость, приобрести высокую оценку и уважение в обществе. Несмотря на трату времени и средств, становится актуальным изящество внешности и роскошь жизни. Ценности также претерпевают изменения, эволюционируя к внешним характеристикам. В это же время низшие слои общества разоряются, видимо, негативно оценивая расточительства знати. Поэтому авторы акцентируют внимание на восходящем к прошлому идеале простоты внешности.

Строгая классовая дифференциация в устройстве общества наложила отпечаток и на характер древнеримского костюма: сложные и пышные одежды свободных граждан контрастировали с простыми и грубыми одеждами бедняков и рабов. Видимо, потому римская литература переполнена сокрушительными нападками общественности на эти преобразования. Впрочем, как и потому, что, не имея иногда должного культурного развития, быстро разбогатевшие римляне прибегают к безвкусию и излишествам. Мнение многих авторов сводилось к идеалу, освобожденному от дикости и грязи, а вместе с тем и от излишеств и вызывающей роскоши. Однако реальная жизнь римлянина не соответствовала этим идеалам, и найти гармонию между новшествами и традиционными нормами не удавалось. Кичливость оставалась уделом элиты, для остальных же преподносился образ предков – идеал нравственности и добропорядочности.

ГЛАВА II. КРАСОТА ОКРУЖАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РИМЛЯН

§ II.1 Особенности оформления римских жилищ

Переходные периоды общественной жизни Рима сопровождались притоком богатства и, соответственно, усложнением быта. Подобным переломом была эпоха Юлиев – Клавдиев, когда быт римлянина претерпевал обогащение и развитие предметного мира¹⁶³. В частности, меняется обстановка, но выражается это не в появлении каких-либо новых предметов домашнего обихода, а в их качественном преобразовании. Ни квартиры *insulae*, ни *domus*, по-прежнему, не засгромождаются мебелью¹⁶⁴. В большинстве случаев обстановка насчитывает лишь самые необходимые предметы¹⁶⁵: кровати, стол для обеда и приготовления пищи, маленькие столики, несколько табуреток и стульев, пара сундуков, канделябры¹⁶⁶. Не меняется и материал основы. Мебель остается деревянной. Однако преобразуется она посредством накладок и аппликаций¹⁶⁷, на что указывает Витрувий: «...после того как обратили внимание на щедрые порождения природы, и изобилие доставляемых ею запасов строительных материалов, они, обрабатывая их, получили вкус к изящному и, развив его искусствами, стали украшать жизнь роскошью...» (II, 2.7). Представления в этой области меняются с распространением роскоши и сменой строя жизни в целом. На смену приверженности простоты и минимализма приходит любовь к чистой декоративности. Ювенал так описывает эти изменения:

«Делались дома столы из собственных местных деревьев

В те времена...» (XI, 110);

«Право, никто не считал за серьезное дело, заботу

¹⁶³ Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры.– С. 160.

¹⁶⁴ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 40.

¹⁶⁵ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 20.

¹⁶⁶ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 46.

¹⁶⁷ Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры.– С. 160.

Мысли о том, какова в океане плывет черепаха,
Ставшая ярким и славным подножием римскому ложу...» (XI, 90).

«Только теперь богачам удовольствия нет от обеда:

Им ни лань не вкусна, ни камбала; мази и розы

Будто воняют для них, если стол их широкий не держит

Крепко слоновая кость с разинувшим пасть леопардом,

Сделанным из клыков, что шлют нам ворота Сиены,

Или же быстрые мавры, иль инды, что мавров смуглее...» (XI, 120).

В Риме появляются ложа, обитые медью или бронзой, либо инкрустированные черепаховой и слоновой костью. Покрывавшие их дорогие декоративные ткани, мягкие подушки и драгоценные ковры буквально скрывают весь немногочисленный интерьер:

«... две подруги

Прибыли к пышным палатам; вошли: там пурпур блестящий

Ложам роскошным из кости слоновой служил драгоценным

Мягким покровом...» (Hor. Sat., II, 6.100).

Кровати у знатных людей также покрывали материалами роскошными и дорогими¹⁶⁸: пурпурными покрывалами, вавилонскими коврами, матрасами из стриженной шерсти овец (Petron., 32, 78; Juv., VI, 88; Mart., XIV, 90, 92), повсюду раскладывались подушки, с наполнителем из дорогостоящей левконской шерсти, или из пуха от германских гусей. Цицерон, перечисляя богатства Суллова наперсника Хрисогона, помещает эти постельные принадлежности в один ряд с картинами, статуями и посудой чеканного серебра (pro Ross. Amer., 46. 133)¹⁶⁹. Марциал язвительно подмечает, как разжившийся средствами отпущенник Зоил хвастает дорогим красным одеялом и пурпурными наволоками и мягким тюфяком, притворяясь заболевшим... (II, 16); богач, спящий рядом со старухой женой, тщетно кутается в теплое покрыва-

¹⁶⁸ Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 51.

¹⁶⁹ Там же.– С. 52.

ло¹⁷⁰, сверкающее белизной на пурпурном ковре, которым застлана кровать (XIV, 147). Спинки и рамы кроватей в богатых домах также искусно украшали накладками из золота, серебра, драгоценными камнями, слоновой костью и тем же черепаховым панцирем (Juv., VI, 80).

Однако, как ни великолепны были украшения, комфортность римской мебели далеко отставала от богатства. Восточные народы не напрасно подмечали неудобство как греческих, так и римских кроватей¹⁷¹, хотя бы по той причине, что, как и ранее, их конструкцию составляли довольно высокие деревянные рамы¹⁷², на которых отсутствовала, пружинная сетка. Вместо нее матрас укладывали на переплетенные крест – накрест кожаные ремни. Простыни поверх матраса у римской кровати тоже не было¹⁷³. Комфорт, практичность с приходом принципата мало берется во внимание. Главным остается напускной блеск.

Подобный однобокий взгляд на предмет домашнего обихода, оценка лишь эстетических качеств предмета, при игнорировании удобства в использовании вещи, отразился и в любви римлян к различным изящным маленьким столикам из слоновой кости, мрамора или же редких пород дерева (кипарис, ретийский клен), в немалом количестве расставляемых в комнатах лишь в качестве украшения. Итальянские мебельщики здесь проявили большую оригинальность, украсив не крышку стола, скрытую поставленными на нее предметами, а ножки – ту часть, которую ничто не закрывает и которая сразу привлекает внимание входящего¹⁷⁴. Им придавалась форма изящно изогнутых козьих копыт, кошачьих лап, или же заменялись фигурами каких либо мифических существ, например сатиров, несущих на головах корзину – крышку стола¹⁷⁵.

---

¹⁷⁰ Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 52.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 22.

¹⁷³ Каротино Ж. Ука. соч.– С. 214–215.

¹⁷⁴ Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 53–54.

¹⁷⁵ Там же.– С. 54.

Аналогично изменился и картибул – тяжеловесный мраморный стол, служивший ранее для приготовления пищи, но ставший одним из главных украшений атриума¹⁷⁶. Ножки стола заменили на монолитную плиту, и в распоряжении римских мастеров оказалась свободная плоскость для орнаментирования. А на местах бывших опор появляются монументальные формы пилястров или колонн с канелировкой и фризом. Часто мотив декора стола заканчивается крылатым мифическим существом, с напряженными лапами льва. Изображение реалистично, – напряженные мускулы чудовища передают непомерный груз поверхности стола¹⁷⁷.

Целые состояния тратились на маленькие греческие столики – моноподии, (названный так потому, что столешница держалась на единственной ножке) вырезанные из единого куска атласского цитруса, где срез имел исключительно замысловатый рисунок¹⁷⁸. Римские авторы часто их упоминают, говоря о роскоши обстановки:

«Вот плодоносных деревьев из леса Атланта подарок

Кто золотой подарит стол тебе, меньшее даст» (Mart., XIV, 89).

Плиний говорит о безумной популярности этих столов: женщины упрекали мужчин в пристрастии к этим безделушкам, в ответ на претензии к увлечению ювелирными украшениями¹⁷⁹. На такой новомодный маленький столик Цицерон потратил полмиллиона сестерциев. К примеру, за половину сестерция, в течение всего I века нашей эры, как и начала II века (115 год нашей эры, когда Рим благодаря завоеваниям Траяна переживал период относительного благоденствия) можно было купить 1 кг пшеницы, за 15 сестерциев – тунику, за 520 – мула¹⁸⁰. Так, всего на пять процентов той суммы, что тратилась на маленькие моноподии, обычный человек мог бы прожить в скромности всю жизнь. Известно также, что друг Цицерона, Азиний Поллион, потратил на стол сумму в два раза большую.

¹⁷⁶ Сергеенко М.Е. Помпеи.– С. 146.

¹⁷⁷ Там же.– 146.

¹⁷⁸ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 22.

¹⁷⁹ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 56.

¹⁸⁰ Анджела А. Ука. соч.– С. 113.

Такие дорогие и редкие вещи подчеркивали исключительную состоятельность их немногочисленных владельцев. В большинстве же случаев столы по старинке делались из доступного местного клена, с простой белой древесиной без какого-либо узора¹⁸¹:

«И не из выплавка я, и не сын Мавританского леса
Но для роскошных пиров все же и я подойду...» (Mart., XIV, 90).

Однако и здесь до бедности было далеко:

«Нероскошный мой ужин
Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
С ковшиком винным стоят, простая солонка, и чаша,
И узкогорлый кувшин – простой кампанийской работы» (Hor. Sat., VI, 110).

Мебель могла украшаться накладками из меди, бронзы, либо фанерами из дорогих пород деревьев. Лишь бедняк по причине ограниченности средств оставлял мебель вовсе без облицовки:

«Так что по всей по Субуре гремит их обед деревянный...» (Juv., XI, 140).

«Ножки ливийских столов у тебя из кости индийской,
А у меня черепком буковый столик подперт...» (Mart., II, 43).

Так или иначе, простота обстановки уходит в прошлое. Полное отсутствие роскоши и даже бедность дома времен республики объяснялись самой жизнью римлян, которые большую часть времени проводили вне дома¹⁸². В так называемом «золотом веке» картина меняется¹⁸³. Прием клиентов в роскошной обстановке способствует ощущению превосходства патрона¹⁸⁴.

Т.А. Бобровникова приводит слова Цицерона, который так описывает новую жизнь, перелагая одну из сатир Люцилия: «Красивые мальчики при-

¹⁸¹ Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 57.

¹⁸² Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 51.

¹⁸³ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 21.

¹⁸⁴ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 34.

служивают за столом; соответствует этому одежда, серебро, коринфская бронза, сама комната, дом...» (Cic. Fin., 11, 8, 25)¹⁸⁵.

«...А я опасуюсь

Гордых гостей за столом, что сравнить меня могут с собою,

Худость мою презирая: ведь нету ни крошки слоновой

Кости у нас - ни игральных костей, ни фишек хотя бы;

Даже ножей черенки - и те не из бивней слоновых...» (Juv., XI, 130) –

пишет и Ювенал, указывая на возникшее противоречие в обществе.

В то время, как у некоторых на единственном мраморном столике «теснятся несколько глиняных кружечек» (Juv., III. 203-209), знатные особы демонстрируют невероятные богатства, сосредоточенные лишь в одной тарелке, как пример, – прием в доме царевича Антиоха: «Затем он сам пригласил претора на обед к себе; велел выставить напоказ все свои богатства – много серебряной утвари, немало и золотых кубков, украшенных, как это принято у царей, прекрасными самоцветными камнями. Среди них был и ковш для вина, выдолбленный из цельного, очень большого самоцветного камня, с золотой ручкой... Веррес стал брать в руки один сосуд за другим, хвалить их, любоваться ими...» (Cic. Verr., XXVII, 62,63) «Мы пьем, – говорит Плиний Младший, – из сосудов, украшенных драгоценными камнями; мы вставляем изумруды в чаши; напиваясь пьяными, любим подносить к губам целые богатства Индии, причем золото служит только для оправы»¹⁸⁶. С такой посудой отправлялись даже в путешествия, использовали ее на важных пиршествах:

«Стол отягчен серебром, на золоте кубков чеканных

Выбиты длинной чредой деянья славные предков

Подвиги многих мужей от начала древнего рода» (Verg. Aen., I, 640).

Марциал упоминал богача, у которого «...в четыре фунта барвена была основным блюдом, и украшением стола» (II,43), вместе с привезенными из

¹⁸⁵ Бобровникова Т.А. Указ. соч.– С. 184.

¹⁸⁶ Гиро П. Указ. соч.– С. 158.

Египта хрустальными кубками¹⁸⁷. Серебряная посуда была настолько распространена, что ее значительными количествами отдавали даром – писатель высмеивает патронов, которые до того скупы, что не в состоянии по случаю Сатурналий вознаградить своих клиентов по крайней мере пятью фунтами столового серебра (VII,53.11).

И чем выше человек забирался по социальной лестнице, тем значительнее становилось количество предметов роскоши в доме. Множество ваз в форме кратеров, амфор, урн и партеров из мрамора, порфира и других каменных пород и драгоценных металлов служили исключительно для украшения¹⁸⁸.

В связи с усилившимся притоком произведений искусства, частные дома Рима начинают декорировать истинными шедеврами, которые ранее украшали исключительно храмы или публичные здания. По всему жилищу расставляются художественные произведения на не менее прекрасных подставках¹⁸⁹. У римлянина появляется очевидная страсть к коллекционированию¹⁹⁰. Познания в этой области совершенствуются. Искусство становится социальным феноменом: оно лучше всего прочего свидетельствует о положении хозяина дома в обществе¹⁹¹. Каждый желает обзавестись греческим скульптурным произведением искусства, что способствует появлению копий двух одинаковых статуй, позволяющее располагать их в противоположных углах помещения. Подобная прихоть иногда приводит к безумным проявлениям...¹⁹² Римский вкус начинает забавлять обилие вещей, причем необычных, неординарных своей формой¹⁹³. Приведем в качестве примера статую, купленную Плинием: «Из денег, доставшихся мне по наследству, я недавно купил коринфскую статую, небольшую, но, насколько я понимаю, – может быть, я и во всем смысле мало, но тут и подавно, – сделанную искусно и вы-

---

¹⁸⁷ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 22.

¹⁸⁸ Гиро П. Указ. соч.– С. 164.

¹⁸⁹ Там же.– С. 158.

¹⁹⁰ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– 184.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Робер Ж.–Н. Указ. соч.– 85.

¹⁹³ Таривердиева С.Э. Указ. соч.– С. 19.

разительно: это и мне понятно... Изображен стоящий старик. Кости, мускулы, жилы, вены, даже морщины – перед тобой живой человек: редкие ниспадающие волосы, широкий лоб, сморщенное лицо, тонкая шея; руки опущены, груди обвисли, живот втянуло. И со спины видно (насколько можно судить по спине), что это старик. Бронза, судя по ее настоящему цвету, старая и старинной работы. Все, одним словом, может остановить на себе глаз мастера и доставить удовольствие человеку несведущему...» (Ер., III, 4). Археологические раскопки доказали, что такие несовершенные скульптуры были нередки. И они, да и последние фразы Плиния «о несведущем человеке», лишней раз свидетельствовали о невежестве большинства римлян в искусстве¹⁹⁴.

«Смотришь картины ты Павсия, к месту как будто прикован.

Что ж, ты умнее меня, коли я, на цыпочки ставши,

Пялю на стенку глаза, где намазаны красным и черным

Рутуба, Фульвий и Плацидеян в отчаянной битве?» (Hor. Sat., II, 7.90).

«Мрамор, слоновая кость, серебро и тиррентские куклы,

Камни, картины и ткань, пурпурной покрытая краской, -

Этого нет у иных, а иной и иметь не стремится...» (Hor. Epist., II, 2.180).

М. Е. Сергеенко отмечает, что тот же Плиний вновь сокрушается о царившей безвкусице: «...недавно, в царствование Нерона, дошли до чудовищной выдумки: уничтожать, с помощью раскраски, естественный вид черепахи, и придавать ей сходство с деревом... весело бросать деньги на забаву и забавляться двойной игрой: во второй раз смешивать и искажать то, что искажено самой природой» (Ер., XVI. 232–233; IX. 139)¹⁹⁵.

Становится престижным подражать греческим образцам жизни. Даже предметы домашней обстановки называли на греческий лад. У Т. А. Бобровниковой Люцилий уморительно передает то, с какой важностью некоторые

---

¹⁹⁴ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – 191.

¹⁹⁵ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – С. 53.

римляне произносили «клиноподы» и «лихны», а это всего – навсего ножки кровати и светильники (Lucil., I, 12)¹⁹⁶.

И это логично и ожидаемо при внезапной смене ценностей. Рим знакомится с высокой эллинистической культурой. Но мог ли художественный вкус развиться за такой малый срок, и мог ли римлянин ощутить настоящее наслаждение при созерцании этих шедевров? Римская литература дает ответ на этот вопрос: помимо гордости и тщеславия от того, что в доме стоят великолепные вещи покоренных народов, иное удовольствие вряд ли было доступно.

Контраст усиливается и посредством масок и инсигниев предков, рядами выставляемых на самых почетных местах атриума. Напомним, что древнеримская мораль всегда имела своим образцом нравы и обычаи предков¹⁹⁷. Несложно представить образовавшуюся картину: образы простоты и нравственности на фоне блеска и изящества обстановки. Все это вместе взятое, конечно, производило сильное впечатление на приходивших посетителей внушало им даже некоторую робость¹⁹⁸, но видимо не могло скрыть образовавшуюся дисгармонию между традиционным и чуждым:

«Что в родословных за толк?

Что пользы, Понтик, считаться

Древних кровей, выставлять напоказ

Своих предков портреты...» – обращается Ювенал к изнеженному веяниями моды хвастуну, тщеславившемуся и своей внешней идентичностью (посредством атрибутов) к нормам традиции (VIII, 10).

Попытки совместить традиционные и новые элементы прослеживаются и в архитектуре жилища. Стены помещений теперь на греческий лад украшают терракотовые и мраморные плитки, фигурная и расписная мозаика¹⁹⁹. Однако, орнаментика у римлян гораздо пышнее, чем у греков. Тут не только

¹⁹⁶ Бобровникова Т.А. Указ. соч.– С. 185.

¹⁹⁷ Утченко С.Л. Теория падения нравов.– С. 212.

¹⁹⁸ Гиро П. Указ. соч.– С. 232.

¹⁹⁹ Велишский Ф. Указ. соч.– С. 128.

аканфовый лист, тут и плющ, и лавр, и пальма, тут и всякие необыкновенные человеческие фигуры, и животные; все сложно и разнообразно²⁰⁰. Раскопки в Геркулануме и Помпее открыли европейскому культурному миру небывалую роспись стен, которую можно было находить только в Новое время и к которой совсем неспособна греческая классика²⁰¹.

Пестрота усиливалась за счет фресок на стенах, имитирующих некоторые предметы домашнего обихода: мнимые двери, поддельные занавеси, даже иллюзорные пейзажи (порой чередующиеся с настоящими, видимыми сквозь проемы в стенах, как на знаменитой вилле в Оплонтисе, современный город Торре-Аннунциата, возможно, принадлежавшей Помпее²⁰². Целые картины писали на свежей штукатурке стен²⁰³. Мозаичные полы, мощенные мраморными и порфирными плитками²⁰⁴, мелкими частичками стекла и даже дорогими камнями, выставленные в целый художественный сюжет²⁰⁵; лепные потолки, украшенные золотой и слоновой костью – все это любимая римская форма²⁰⁶. «Старинный» имплювий сам по себе служит украшением: в этом внутреннем "бассейне" отражается лазурное небо с облаками, напоминая лежащую на полу картину. И это отрадное зрелище предстает перед взором любого, кто бы ни вошел в дом. А. Анджела отмечает, что в то время как мы считаем, что в большинстве случаев верхом элегантности белый цвет стен, римлянин считал бы их недоделанными, подобно натянутому на раму пустому холсту²⁰⁷.

Проявили римляне оригинальность также и в области чисто конструктивной, а именно – в создании (хотя и не без этрусских образцов) новой архитектурной формы – свободно держащегося свода, переходящего далее в обширный купол²⁰⁸. Насколько греки любили больше всего прямую линию,

---

²⁰⁰ Лосев А.Ф. Указ. соч.– С. 45.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Анджела А. Указ. соч.– С. 11.

²⁰³ Велишский Ф. Указ. соч.– С. 124.

²⁰⁴ Лосев А.Ф. Указ. соч.– С. 45.

²⁰⁵ Велишский Ф. Указ. соч.– С. 128.

²⁰⁶ Лосев А.Ф. Указ. соч.– С. 45.

²⁰⁷ Анджела А. Указ. соч.– С. 18.

²⁰⁸ Лосев А.Ф. Указ. соч.– С. 45.

настолько римляне отдавали предпочтение кривой²⁰⁹. «Красоту округленного поместья» выделял и Плиний при покупке усадьбы (Ер., III, 16). Отметка центра становится одним из архитектурных канонов древнеримского жилого комплекса в целом²¹⁰. С введением в период принципата сводчатой конструкции в частные дома, римляне получали множество преимуществ: во-первых, возможность покрывать огромные залы, не прибегая к подпоркам в виде промежуточных рядов колонн: таким образом, они выигрывали в пространстве и освещении. Во-вторых, благодаря своду, появилась большая свобода при составлении плана зданий: теперь уже не нужно было ограничиваться исключительно прямоугольными комнатами, появилась возможность разнообразить форму помещений до бесконечности²¹¹. Пристрастие к дугообразным линиям заставляло их умножать число сводов в своих жилищах и вводить большие и маленькие арки. Это различие сразу бросается в глаза при сравнении развалин римских и греческих зданий: округленные формы, приближающиеся к полному полукругу, превалируют в римских развалинах²¹².

В целом, представление о празднике и блеске также выражается в декоре, наложенном на архитектуру²¹³: «Итак, раз столь могущественные цари не пренебрегали возведением кирпичных стен, несмотря на то, что им часто возможно было на доходы с податей и от военной добычи иметь их не только из бута или из тесаных глыб, но даже из мрамора, то я не считаю, что следует не одобрять зданий, сделанных из кирпичной кладки, лишь бы они были как следует покрыты...» (Vitr., II, 8.16). Когда римский поэт описывал, к примеру, египетскую архитектуру и желал разъяснить своим соотечественникам отличия от римских строений, он приводил следующие доводы: «Не отделано было жилище блестящими плитами мрамора: пестрил там агат массивный, чередуясь с камнем порфирным; повсюду в дворцовых палатах устлан под ногами оникс, и косяк обшит не был мареотии черным деревом: взамен дуба

²⁰⁹ Гиро П. Указ. соч.– С. 19.

²¹⁰ Уотс Д.Дж., Уотс К.М. Указ. соч.– С. 97.

²¹¹ Гиро П. Указ. соч.– С. 16.

²¹² Там же.– С. 19.

²¹³ Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры.– С. 163.

оно простого не украшением дворца, но опорой служило...» Представление о том, что в иных странах дом строится из монолитов дорогих материалов искренне удивлял римлянина, который из камней, дерева изготовлял лишь пластины для отделки.²¹⁴

Хозяйственные комнаты внешне не отличались от других помещений дома; их утилитарность прослеживалась лишь в смене облицовок – место позолоты и мрамора занимало стукко и другие целесообразные материалы. Витрувий советует придерживаться практичности в оформлении комнат утилитарного назначения: «Зимние столовые не к чему украшать ни сложной, ни монументальной живописью, ни тонкой отделкой карнизов на сводчатых потолках, потому что все это портится и дымом от огня и постоянной копотью от светильников; в них, над цоколем, надо вделывать черные полированные панели со вставленными между ними клиньями, окрашенными желтой охрой или киноварью, а своды выводить гладко выложенными» (VII, 4.4).

Архитектурный принцип остается прежним²¹⁵. Римское жилище «обрастает» новыми роскошно отделанными помещениями, становясь для человека богатого и уважаемого средством демонстрации своего превосходства. К традиционному римскому дому, состоявшему из атриума, таблиния и маленького сада позади дома, пристраиваются, не меняя основы, множество различных помещений: жилых комнат – для хозяев и рабов, комнат для бытовых нужд – кухни, кладовые; строятся комнаты для приема гостей и многочисленные столовые – у богатого римлянина в эту эпоху их было несколько, различных размеров: «...столовые для большого общества и те, что лишь для некоторых? комнаты, где ты проводишь день, и спальни...» (Plin. Ep., I, 3.1). Пиршества устраивались то в той, то в другой, смотря по числу приглашенных гостей; были даже пиршественные залы, приспособленные к различным

---

²¹⁴ Кнабе Г.С. Внутренние формы культуры.– С. 162.

²¹⁵ Там же.– С. 163.

временам года: летние залы часто не имели потолка и были украшены ползучими растениями, из которых образовывался зеленый навес²¹⁶.

Внешний вид дома также меняет свое обличие на греческий лад. Сад преобразуется в перистиль, окруженный колоннами по образцу греческих царских парков. Дом, изначально закрытый, замкнутый в себе словно устрица²¹⁷, разворачивается садом перистилия, защищающего своих жителей от палящего солнца²¹⁸. Стены сада украшаются портиками или верандами, на которых выставляются скамейки. В саду были устроены прямые аллеи, усаженные во всю длину буксом и заканчивающиеся зелеными беседками²¹⁹. Обычно здесь находится семья, иногда самые близкие люди; здесь проводит свободное время *pater familias*, закончив дела и обязанности²²⁰.

Постепенно по всему Риму появляются частные домусы подобного строения. Новый тип построек окончательно превалировал после пожара 64 – го года: в постройке всех больших домов после этого стало заметно влияние греческих образцов архитектуры²²¹.

И оценка строения, по словам Витрувия теперь производится «тройким образом, а именно: со стороны изящества исполнения, со стороны великолепия и со стороны расположения...» (VI, 8.9). Понятно, что вся эта показная роскошь являлась уделом состоятельных патронов. Их клиентам это было либо не по карману, либо просто не имело смысла. Оптимальное видение дома Витрувий ставит в зависимость от социального положения человека: «У ростовщиков и откупщиков дома должны быть удобными, видными и защищенными от грабежа; у судебных деятелей и ораторов они должны быть изящными и просторными для собраний и приемов; а людям знатным, которые, занимая почетные и государственные должности, должны оказывать услуги гражданам, следует делать царственные вестибулы, высокие атриумы

---

²¹⁶ Гиро П. Указ. соч.– С. 152.

²¹⁷ Анджела А. Указ.– С. 17.

²¹⁸ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– 51.

²¹⁹ Гиро П. Указ. соч.– С. 153.

²²⁰ Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 41.

²²¹ Гиро П. Указ. соч.– С. 153

и обширнейшие перистили, сады и аллеи, разбитые с подобающим великоле-
пием; кроме того, их библиотеки, картинные галереи и базилики должны
сооружаться с пышностью, не уступающей общественным постройкам, по-
тому что в их домах часто происходят и государственные совещания, и част-
ные суды и разбирательства...» (VI, 5.2); «Людям среднего состояния нет
нужды ни в великолепных вестибулах, ни в таблинумах и атриумах, так как
они сами ходят к другим для оказания услуг, а не к ним ходят другие...» (VI,
5.1). Это наводит на мысль, что истинное наслаждение изяществом жизни
предназначалось лишь для элиты. Малообеспеченный римлянин мог лишь со
стороны наблюдать за появившимся «умением жить», приходя с какой-либо
просьбой к патрону.

Отметим и то, что «великолепные владения знати отняли крышу у бед-
няков» (Mart. V, 63. 8), занимая огромные площади итак перенаселенного
Рима, что не могло не породить упреков и ненависти в обществе к новояв-
ленной роскоши: Богач может «прокатиться на конях по своей усадьбе»
(Mart., V,61.3); «Ваши аллеи, раскинувшиеся на неизмеримое пространство,
ваши дома, занимающие площади, достаточные для целого города, почти вы-
гоняют нас из Рима» – упрекает бедняк богача в «Контroversиях» Сенеки
Старшего²²².

Таким образом, представления о красоте жилища среди состоятельных
римлян эпохи принципата отражаются в любви к обильной, не всегда гармо-
ничной орнаментировке, в уважении к блеску и стоимости предмета. При
этом всюду наблюдается попытки совмещения традиционно римских форм и
веяний моды, следствием чего зачастую являлись чрезмерное нагромождение
предметов и орнаментов. Конструктивная основа всех вещей, окружающих
быт римлянина, сохраняется. Весь предметный мир, архитектурное мышле-
ние эпохи находит выражение в использовании разного рода накладок и ап-
пликаций. Однако, кроме предметов роскоши, количество мебели практиче-
ского значения остается минимальным.

---

²²² Утченко С.Л. Еще раз о системе... С. 34.

Старый дом также сохраняет традиции этрусской строительной деятельности. К нему лишь прибавляется новая половина, заимствованная у эллинистического дома. Появилось множество комнат различного назначения, в частности, комнат для проведения времени в уединении. В этом отражена индивидуализация личности, являвшаяся одной из характерных черт греческого образа жизни. При усовершенствовании дома проявилась и социальная психология общества, где красота приобретала утилитарный характер. Дома знати имели царские размеры и соперничали друг с другом в изяществе, становясь средством демонстрации превосходства его владельцев. Обычным людям роскошь и простор апартаментов была не по средствам. Они живут простой жизнью, в их домах не происходят государственные совещания, частные суды и разбирательства. Очевидно, что в таком случае не имело смысла обживаться напускным блеском.

§II.2 Роль природной среды в эстетических представлениях римского общества

Как упоминалось ранее, римляне являлись в полном смысле слова провинциалами, людьми земли. Мало кто из столичных жителей мог похвастаться тем, что его род уходил корнями в римскую историю. Да и сам Рим, некогда, образовался благодаря объединению «людей лесов и полей»²²³. Все они, вынужденные по каким-либо причинам жить в большом городе, в глубине души оставались верны своей «малой родине» – небольшой сельской местности, где проходило их детство и жизнь их предков²²⁴. Бесспорно, что главной составляющей эстетических представлений римлян, оставалось естественное, природное обрамление повседневной жизни. Облик Рима периода принципата подтверждает это. Приблизительно четверть всей площади города (а это около четырехсот пятидесяти гектаров) занимали общественные и част-

---

²²³ Робер Ж.-Н. Указ. соч.– 132.

²²⁴ Кифер О. Указ. соч.– С. 219.

ные природные променады²²⁵. Центр Рима неприкосновенно оставался зеленым как напоминание о том времени, когда он был всего лишь сельским городком; здесь находились лес Азилия на Капитолии, лес Весты около Форума, лес Стернии у подножия Эсквилина, лес Сатурна на севере Авентина, лес Марса на Марсовом поле²²⁶. Природный ландшафт был очень важен и при формировании единообразного облика города²²⁷.

Обращаясь к плану имперского Рима, можно увидеть множество портиков, соединявших весь Рим, и служивших местом прогулки среди площадок, засаженных буксами, миртами, лаврами, платанами, цветами²²⁸. Марциал упоминает о портике Помпея с его двойной рощей (II, 14,10), портике Европы, с аллеей буксов, (II, 14,11)²²⁹. Известны портик Ad nationes, «Крипта», портик Випсании, также множество недостроенных природных зон²³⁰. До наших дней дошел портик Октавии, где более сотни метров его внутреннего пространства отводилось под сад и цветники. Следует помнить, что, в отличие от современного общества непрерывного движения и высоких скоростей, граждане перемещались пешком под прикрытием портиков. С. Вуд отмечает, что при таком ритме жизни, каждый наблюдатель, способный на досуге оценить и пересмотреть структуру города, способен был и сформировать собственное восприятие пейзажа города²³¹.

На окраинах города и даже внутри его было расположено множество общественных парков и садов²³², которые усиливали структурные связи и воспринимаемое единство города²³³. Эти сады занимали огромные территории города, являясь проявлением любви римлян к масштабным проектам: «Нынче же столько земли не хватило б для нашего сада!» – пишет Ювенал

---

²²⁵ Анджела А. Указ. соч.– С. 16.

²²⁶ Анджела А. Указ. соч.– С. 19.

²²⁷ Вуд С. Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа.: [Эл. ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977> (дата обращения 06.02.16).

²²⁸ Гиро П. Указ. соч.– С. 51.

²²⁹ Суздальский Ю.П. Указ. соч.– С. 41.

²³⁰ Гиро П. Указ. соч.– С. 52.

²³¹ Вуд С. Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа.: [Эл. ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977> (дата обращения 06.02.16).

²³² Гиро П. Указ. соч.– С. 51.

²³³ Вуд С. Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа.: [Эл. ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977> (дата обращения 06.02.16).

(XIV, 170), указывая на размах садово-паркового искусства в его время. Уже во времена Гракхов один из Сципионов владел большим садом. Лукулл, победитель, имел самый красивый сад своего времени. Цезарь сделал свои сады общедоступными, передав их в общее пользование в завещании. Сохранились воспоминания о садах Саллюстия на Квиринале, Торквата на Каэлии, Поллиона, Помпея, Луция, Кайя, а также садах Мецената на Эсквилине, которые занимали площадь 300 на 100 метров. Неоспоримо, что эти внушительные зеленые массивы визуально и физически привлекали зрителей. Справедливо замечание С. Вуда и в том, что римляне, как и другие древние цивилизации, были искусны в толковании природной среды²³⁴. Такой интерес к садам у римлян не проявлялся до конца II в. до н.э., а возникнув, отражал скорее тщеславие народа–победителя, подчинившего себе все окружающее пространство. С. Вуд считает вполне допустимой мысль о том, что даже необразованные плебеи понимали намек в этом образе города на процветание и благополучие государства²³⁵, с чем можно согласиться. Ведь вид зеленеющего, цветущего простора явно придавал античному человеку отраду и уверенное чувство благополучия. Таким образом, начиная с поздней республики городская природная среда, помимо эстетических качеств, служит и средством пропаганды идеологии.

Частные дома также не оставались без природного обрамления. В тесных многоквартирных постройках сады устраивали на балконах, окнах; Плиний Старший говорил, что обыкновенные жители Рима с их миниатюрными садиками на окнах предлагали взору прохожих воспоминание о деревне²³⁶. Даже при недостатке места сады устраивались на крышах домов, создавать висячие сады с деревьями и цветами²³⁷. Стены домов покрывали фресками, изображавшими пейзажи, преимущественно сады, снижающими ощущение замкнутости.

---

²³⁴ Там же.

²³⁵ Вуд С. Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа.: [Эл. ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977> (дата обращения 06.02.16).

²³⁶ Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 29.

²³⁷ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 55.

В богатых домах греческого образца обширное открытое пространство перистилия занимал садик (*viridarium*) с корзинами цветов, с редкими кустами, с бассейнами, экзотическими животными и птицами. Сюда помещают какие-нибудь скульптуры или алтари. Помимо этого внутреннего сада перистилия природные места отдыха устраивались и вблизи жилища в виде прогулочных парков и садов²³⁸.

Как видно, римляне делали немалые усилия, чтобы оставаться в единстве с природой. Даже в частных владениях создавались искусные уголки природы, призванные обеспечить приятное времяпрепровождение, а также ощущение превосходства.

Однако, как бы не прекрасна была «ссылка в городе», подлинное наслаждение «провинциал» испытывает от жизни за городом. В римской литературе город неизменно предстает как место ненужных хлопот и трудов, деревня – как убежище от них:

«...восхваляю я прелесть деревни:

Скалы, обросшие мохом вокруг, и ручьи, и дубравы.

Что же еще? Я царем себя чувствую, только покину

То, что возносите вы до небес при сочувствие общем...»

(Hor. Epist., I, 9-10.10);

«О, когда ж я увижу поля! И когда же смогу я

То над писаньями древних, то в сладкой дремоте и лени

Вновь наслаждаться блаженным забвением жизни тревожной!»

(Hor. Epist., II, 6. 60-62).

Марциал, также не прочь скинуть груз городской жизни, и отправиться за город:

«...О солнце! Какой в тунике мирный покой!

О, вы, леса! О ручьи! Полоса побережия с влажным

Плотным песком и морской блещущей Анксур водой!

---

²³⁸ Гиро П. Указ. соч.– С. 152.

И не одна пред тобой волна открывается с ложа:
Видишь ты там на реке, видишь на море суда.
Но не театров там не Марцелла, Помпея, ни терм нет
Трех, да и нет четырех форумов, слитых в один...» (X, 51);
«На цветущей лужайке растянувшись,
Где ручьи там и сям бегут, сверкая,
И по камешкам вьются говорливо,
Растворяй-ка ты снег струею темной,
Позабыв обо всех своих заботах
И чело себе розами увивши» (IX, 90).
Именно деревню Гораций считает идеальным местом для жизни:
«Если нам следует жить, согласуя желанья с природой,
Если, чтоб выстроить дом, нам нужен удобный участок,
Знаешь ли место еще ты, пригодней деревни блаженной?...»
(Epist., I, 10.10).

И сельская местность также преобразуется. Нетронутая природа (в своем первозданном состоянии) со временем перестает удовлетворять притязательный вкус. Сенека пишет о смене представлений в этой области: «Ни у кого не было домов в размер города – был воздух и вольное дыхание на просторе, и легкая тень скалы, либо дерева, и прозрачные источники, и ручьи, не загрязненные ни канавами, ни трубами, ни иными насильственными путями, но бегущие по своей воле, и луга, красивые без всякого искусства, и среди них – грубая хижина, сложенная неумелой рукой...» (Ep., XC, 43). Загородная вилла становится настоящим зеленым раем. Она наполняется садами, парками, широкими клумбам и аллеями, создавая у своего владельца ощущение полного единства с природой, открытости ей при наличии лишь крыши над головой.²³⁹ Атриум терял значение, на виллу теперь попадали через эти созданные уголки природы²⁴⁰. И, с точки зрения технического воплощения

²³⁹ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – С. 121.

²⁴⁰ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – С. 43.

идей художника, в искусстве стрижки зеленых насаждений и в умении сочетать природные элементы, римлянам удалось достичь высочайшего уровня. Здесь присутствовало все, что признается италийцем прекрасным в природе.

В планировке сада часто повторялась излюбленная геометрическая фигура – полукруг тропинок и деревьев, которые окаймляли лужайки и клумбы пестрых цветов (напр. Plin. Ep., V, 6.16-17). Несмотря на то, что римляне не владели искусством составления цветочных композиций²⁴¹, это не мешало им создавать пестрые цветники, предназначенных для любования ими как вариантом одного из пейзажей, окружавших жилище. Культивировались фиалки, маки, гвоздики, ноготки, нарциссы, ирисы, гиацинты, белые лилии, пернестские и пестумские розы (видимо, эти сорта были в этой местности доступны)²⁴². К слову, италиец очень любил цветы, об этом говорит то, что без них не обходился ни один праздник, религиозный, общественный или семейный, и ни одно пиршество; целые гирлянды из декоративных растений украшали праздничные помещения и гостей в том числе. Но, видимо, особое отношение проявлялось не столько к цветовым характеристикам, сколько к аромату исходящих от цветов. Катулл воспекает не цветы, неразборчиво смешанные, а приятные запахи, исходящие от них, наполняющие дом:

«И полевые цветы, и те, что в краю фессалийском
Произрастают средь гор, и те, что в воздухе тёплом
Возле реки рождены плодоносным дыханьем Фавона, —
Все их принёс он, смешав и нескладно связав в плетеницы.
Благоуханием их услаждённый дом улыбнулся...» (64. 280).

Марциал, описывая прелести атмосферы, не вдаётся в подробное описание цветов, но подчеркивает значимость их ароматов: «Воздух здесь делала благовонным Флора, здесь свисали гирляндами розы, это слава пестумских полей...» (VI, 80, 11-10).

²⁴¹ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – С. 127.

²⁴² Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – С. 47.

Плиний равнодушен к краскам: луга, усеянные цветами (*prata gemmea*), представляются ему одним пестрым пространством, из которого он не выделял отдельных цветов (V.6.11). Он с удовольствием нюхает левкой, но не обращает внимания на их окраску (II.17.17), как и на окраску роз (V.6.34)²⁴³.

В целом, для зрительного восприятия римлянина была приятна зелень различных оттенков: темная зелень плюща, нежно-зеленый цвет платана и почти белый букс. Были здесь виноградные лозы, и различные деревья²⁴⁴. Но они были призваны защищать от солнца гуляющих в саду. Деревьям римляне могли придавать различную форму (напр. Plin. Ep., V, 6. 16-17). Но особенно ценились массивные деревья с раскидистыми ветвями, так как они давали густую тень, необходимую при жарком климате. Плиний Старший свидетельствует о том, что Крассу (первая половина I в. до н. э.) предлагали за его дом 6 000 000 сестерциев в значительной мере потому, что внутри его перистиля находилось шесть великолепных деревьев²⁴⁵.

Нередко, при прогулках по таким садам, можно было увидеть искусственный грот из камня, или бюст одной из знаменитых исторических личностей, либо мифического существа. Римляне умели гармонично сочетать камень с зеленью, придавая первому форму какого-либо природного элемента²⁴⁶.

К сочетанию воды и зелени римляне питали безмерное пристрастие. Как бы ни был тесен участок, непременно находилось место для фонтана или крохотного бассейна. Помимо визуальной и звуковой эстетики, влага обеспечивала необходимую в жаркой Италии прохладу²⁴⁷. Плиний, описывая сад своего имения (у подножия Аппенин) жалуется, что «при удобствах и приятности этого места, ему не хватает фонтанов...» (II, 17.25). Очередной фонтан, «переполняющий мраморный бассейн» и освежающий «платаны и

---

²⁴³ Сергеенко М.Е. О Плинии Младшем.— С. 277.

²⁴⁴ Коуэль Ф. Указ. соч.— С. 64–65.

²⁴⁵ Блаватский В.Д. Указ. соч.— С. 28–29.

²⁴⁶ Робер Ж.—Н. Указ. соч.— С. 128.

²⁴⁷ Робер Ж.—Н. Указ. соч.— С. 128.

траву под ними мелкой водяной пылью» находился и во внутреннем дворике маленького флигеля на вилле (V, 6.20).

Этрусское имение Плиния не относили к особенно роскошным; но оно служило образцом обычных деревенских вилл горожанина, которые строились и украшались лишь с небольшими отличиями, обусловленными местными обычаями, традициями, а также климатом²⁴⁸. По ипподрому, описанного в «Письмах», можно представить, что представало взору каждого приступившего порог такой виллы: «Эта планировка и эти удобные помещения ничто перед ипподромом. Он весь на виду, и вошедшие сразу и целиком охватывают его взглядом. Он обсажен платанами, а их увивает плющ, и они зеленеют своей листвой вверху и чужой внизу. Плющ пробирается по стволу и ветвям и, перекидываясь с дерева на дерево, соединяет платаны; между ними низенький букс; букс с наружной стороны обсажен лавром, добавляющим свою тень к тени платанов.

Прямая широкая дорожка вдоль ипподрома в конце его изгибается по полукругу; его окружают кипарисы; от них ложится густая черная тень; дорожки, идущие внутри кругами, залиты светом; тут растут розы, тут прохладно в тени и приятно на солнце. Кривая дорожка, опоясывающая пестрое многообразие этого полукруга, выпрямляется, но теперь она уже не одна: множество дорожек идет внутри ипподрома, отделяясь одна от другой буксом; тут в одном месте лужайка, в другом посадки букса, подрезанного на множество ладов: иногда в форме букв, из которых складывается имя хозяина или искусника-садовода; тут он стоит в виде милевых столбов; там ему придан вид фруктовых деревьев: в изысканнейшем парке вдруг появляется некое подобие деревенского сада. Посередине украшению ипподрому служат посаженные с обеих сторон низенькие платаны. За ними волнами ходит гибкий аканф, затем букс, подрезанный во множестве разных форм и имен. Там, где начало ипподрома, беседка с мраморной белой полукруглой скамь-

---

²⁴⁸ Гиро П. Указ. соч. – С. 170–172.

ей; ее затеняет виноградная лоза, которую поддерживают четыре колонки Каристского мрамора; из скамьи, словно под тяжестью возлежащих, по трубкам течет в каменную чашу вода; чаша вделана в изящную мраморную доску стола; вода, регулируемая скрытым механизмом, наполняет ее, никогда не переливаясь через край...» (V, 6.32-37).

Все это представляло собой яркую восхитительную картину. Определенные элементы оформления отличались у каждого, но общая линия оставалась единой: эстетику цветочных и пластических композиций зелени сочетали с тем, как благоухают цветы, шумит вода фонтанов и каскадов. Образцами в оформлении римских имений служили те самые восточные райские сады, которые так очаровывали греков и римлян²⁴⁹. Но должно отметить, что это стремление к природе иногда вырождалось в прихотливую роскошь римской знати²⁵⁰.

Привнесение «эстетики и порядка» коснулось и животного мира. В богатых поместьях устраивались парки с животными, орнитарии с птицами и рыбные садки. В садках были отделения, особые для каждой породы рыб. Из таких садков их никогда не использовали в пищу, ибо такие рыбы считались священными, как священны были рыбы, приплывающие к жрецам во время жертвоприношений, в некоторых приморских городах Лидии. Вельможные богачи кормили этих питомцев собственноручно, проявляя трогательную заботу об их аппетите, а когда они заболели – об их лечении²⁵¹. Разводили оленей, кабанов, зайцев, голубей павлинов. Подкармливаемые звери также становились ручными, а некоторых из них даже дрессировали. Но склонность к варварству оставалась еще долгие столетия. Примером служат те же орнитарии; в них птицы делились на те, что приносили выгоды, и те, что должны были только доставлять удовольствие. Последних называли греческим словом «орнитон». Г. С. Кнабе приводит свидетельство Павсания, который писал, что древнеримский полководец Лукулл Луций Лициний

---

²⁴⁹ Блаватский В.Д. Указ. соч.– С. 69.

²⁵⁰ Там же.– С. 64–65.

²⁵¹ Кнабе Г.С. Быт и история... С. 155.

устроил птичник в своем Тускуланском поместье так, чтобы «в нем же – то есть в орнитоне – находилась и столовая, где Лукулл мог изысканно обедать, одновременно наблюдая птиц, одни из которых лежали жареные у него на тарелке, а другие пархали у окон своей тюрьмы»²⁵².

Часто прибегая в своих действиях к насилию по отношению к животным, римлянин ощущал необходимость теоретически оправдать свое предполагаемое превосходство²⁵³. П. Феделли отмечает, что превосходство человека над животными – это одно из проявлений превосходства человека над миром природы: не без гордости Цицерон подчеркивает, что благодаря своей руке человек способен заниматься многими искусствами (*De nat. deor.*, 2. 150), благодаря своему труду он умеет возделывать землю (2. 151), может властвовать над растительным и естественным миром (2. 151–152) и, разумеется, распоряжается животными по своему усмотрению: но по отношению к ним он действует всегда разумно, в соответствии с возникающими потребностями (2. 151)²⁵⁴.

В таких имениях по-прежнему оставались фруктовые, масленичные сады и виноградники. Но и этим насаждениям римские садовники также придавали ухоженность и упорядоченность. Виноград рос на шпалерах, образующих крытые аллеи. Иногда для подпорок специально выращивали кипрский тростник и бамбук, или оставляли лозы обвивать стволы деревьев. Фруктовый сад и огород разделяли на правильные участки прямыми аллеями, обсаженными ирисом, гвоздикой, гладиолусами, маком. Этот пейзаж занимал римлян не меньше вида декоративных садов. У Варрона хозяин поместья наслаждается видом ухоженного сада²⁵⁵.

У Плиния также можно встретить множество примеров любования сельскохозяйственными угодами: «по всему боковому склону сплошные, широко и далеко раскинувшиеся виноградники представляют вид однообраз-

---

²⁵² Там же.

²⁵³ Феделли П. Указ. соч.– С. 107.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Сергеенко М.Е. О Плинии Младшем.– С. 278.

ный; по краю они как бы окаймлены деревьями, по которым вьются лозы...» (V, 6.9); «В том именице (если цена ему подходящая) моего Транквилла привлекает многое: соседство города, хорошая дорога, небольшая усадьба и поле, которое величиной своей не отяготит хозяина, но отвлечет его от забот. Хозяину-ритору, такому, как он, хватит с избытком участка, где он освежит голову, даст отдых глазам, медленно пройдет по межам, протопчет одну и ту же тропинку; где ему знакомы и пересчитаны каждая лоза и каждый кустик...» (I, 24.3); «В саду много шелковицы и смоковниц; для этих деревьев земля очень хороша; для других хуже. Этим видом из столовой, далекой от моря, наслаждаешься не меньше, чем видом моря. Сзади нее две комнаты, под окнами которых вход в усадьбу и другой сад, по-деревенски обильный» (II, 17.14).

Таким образом, отнятые у природы пространства лесов, полей римлянин преобразует в упорядоченное, украшенное пространство, предназначенное для беспечного отдыха. Здесь все вышеперечисленные преобразования были направлены на то, чтобы одновременно радовать взгляд, дарить приятные ароматы, ублажать ласковым журчаньем воды и пением птиц.

Изначально слово «вилла» означало ферму сельскохозяйственного назначения, часто управлявшуюся экономом, которую, посещал хозяин, наблюдая за правильным использованием своих земель. Катон Сташий называет «лучшей» виллой ту, которая «...сто югеров с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте: во – первых, с виноградником, если вино хорошее и если вина много; во – вторых, с поливным огородом; в – третьих, с ивняком; в – четвертых, с маслиничным садом; в – пятых, с лугом; в – шестых, с хлебной нивой; в – седьмых, с лесом, где можно резать листья на корм скоту; в-восьмых, виноградником, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, лес с деревьями, дающими желуди...» (Agr., I, 7) – то есть, имение, культивирующее сельское хозяйство и приносящее прибыль, но не намекающее на созерцание его красот.

К концу республики менталитет римлянина постепенно меняется; забота об обработке земли отходит на второй план²⁵⁶. Уже Варрон объявил целью сельского имения не только *utilitas* (пользу), но и *voluptas* (наслаждение)²⁵⁷. И, если для Катона Старшего – яркого представителя мужей времен республики, – природа воспринималась как среда существования, и именно труд на лоне природы давал силу характера и знаменитые римские добродетели, то теперь природа для римлянина становится местом, где можно в полной мере изысканно насладится безмятежным времяпрепровождением²⁵⁸. Отметим, и то, что жить в деревне вовсе не означало заниматься хозяйством. Для римских богачей, сельское хозяйство стало «делом грязным»²⁵⁹. Вышеупомянутая поэма «*Moretum*» демонстрирует отношение городских жителей к сугубо сельскому образу жизни, как к жизни дикой, грубой. Анализ деталей, внешней обстановки убеждает нас: цель автора – подчеркнуть, что изображаемый им быт – низовой и, по отношению к городским привычкам, даже экзотический в своей примитивности²⁶⁰. Судя по многим письменным источникам, таким отношение было большинства городских жителей²⁶¹, включая рабов Рима, которых от одной мысли о сельской местности бросало в дрожь. У них и их предков деревня вызывала ненавистные воспоминания о бесконечном непосильном труде, зачастую в закованных в цепи группах рабов, которые Плавт называл во II веке до н. э. «закованной в железо деревенской расой»²⁶².

У «коренных жителей сел» (крестьян) взгляд на природную среду заключался в получении от нее жизненно необходимых ресурсов; и он оставался верным своей хижине, не имея ни досуга, ни средств для каких бы то ни было усовершенствований и нововведений²⁶³: Сенека пишет «...на засеянной хлебом пашне меж колосьев всходят цветы, но не ради них предприняли свой

²⁵⁶ Каркопино Ж. Указ. соч.– С. 344.

²⁵⁷ Сергеенко М.Е. О Плинии Младшем.– С. 278.

²⁵⁸ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 131.

²⁵⁹ Кнабе Г.С. Быт и история... С. 119.

²⁶⁰ Ошеров С.А. Указ. соч.– С. 117.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Коуэль Ф. Указ. соч.– С. 29.

²⁶³ Сергеенко М.Е. Простые люди... С. 61.

труд пахарь и сеятель, хоть они и радуют глаз; цель их была – хлеб, а цветы – случайное добавление...» (IX, 2).

«Был при лачуге его огород, плетнем обнесенный
Из тростника и лозы, вторично пущенной в дело.
Мал был участок, но трав и кореньев росло там немало.
Все, в чем бывает нужда бедняку, он давал в изобилие,
У бедняка и богач мог порою многим разжиться.
Не для роскошеств ему, для забот лишь был огородик.
Ежели праздничный день иль ненастье держали Симила
Дома, ежели вдруг прерывалась работа за плугом,
Труд отдавал он тогда огороду...» (Moretum, 60).

У Вергилия прославляется сельская жизнь на лоне природы. Но, подчеркнем, что автор восхищается именно отдыхом на лоне природы:

«Гроты, озер полнота и прохлада Темпейкой долины,
В поле мычанье коров, под деревьями сладкая дрема, –
Все это есть...» (Geo., II, 467-470).

Возвращаясь к оформлению сельской местности, нужно сказать, что обязательное условие устройства таких мест отдыха представлено связью с окружающим пейзажем, где, прогуливаясь, можно было бы в комфорте любоваться панорамами окрестностей. Прежде всего, весьма тщательно выбиралось место для виллы²⁶⁴. Сенека дает следующее описание одной из римских усадеб Сервилия Ватии, находящейся, судя по описанию, неподалеку от Бай: «О самой усадьбе не могу ничего написать тебе наверняка: я знаю только ее лицевую сторону и то, что видно проходящим мимо. Там есть две пещеры, просторнее любого атрия, вырытые вручную ценой огромных трудов; в одну солнце не заглядывает, в другой оно до самого заката. Платановую рощу делит на манер Еврипа ручей, впадающий и в море, и в Ахерусийское озеро... Эти лучшие ее свойства я знаю сам и полагаю, что она годится на все времена года. Ведь ее омывает Фавоний, который она даже отнимает у Бай,

---

²⁶⁴ Гиро П. Указ. соч.– С. 169.

принимая его на себя. Видно, Ватия был неглуп, если выбрал это место, чтобы жить в безделье и старческой лени...» (Ер., LV, 6 – 7).

Таким образом, оценка местности производилась в первую очередь с точки зрения ее практической значимости. Например, италиец вообще строился так, чтобы солнце освещало имение дозированно: оно должно главным образом его обогревать. Плиний дорожил солнечным теплом: его вилла в Лаврентинуме поставлена так, что нет комнаты, где солнце не было бы или утром, или днем, или к вечеру; есть и такие, где оно стоит круглый день, от восхода и до захода (II.17.8)²⁶⁵. Но, слишком палящее, оно приносило дискомфорт отдыхающему. Поэтому, зная особенности движения солнечного света, под него подстраивали расположение самого имения. Вилла, которую имел в Сабине, благодаря Меценату, Гораций, являет такой пример. Она хотя и не слишком большая, но ориентирована таким образом, что одно крыло дома заливало солнце, в то время как другое погружено в приятную тень. Большой, в две с половиной тысячи квадратных метров, сад был огражден криптопортиком – большой крытой галереей шириной больше трех метров, позволявшей прогуливавшемуся там в любое время находиться по желанию то в тени, то на солнце. О том же позаботился Цицерон, когда пытался перестроить старый фамильный дом, чтобы придать ему надлежащие блеск и комфорт. В посланиях к своему брату он настаивает на сохранении сада, желая привести изменения в его планировку, позволяющую с комфортом упиваться прохладой²⁶⁶.

Не менее важным было расположение имения вблизи воды. Река, озеро, море привлекали римлян своей поэтической красотой, а также прохладой²⁶⁷. У Горация вода и сад с зеленым лесом – важные составляющие окружающей местности его имения:

«Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,

²⁶⁵ Сергеенко М.Е. О Плинии Младшем.– С. 280.

²⁶⁶ Робер Ж.–Н. Указ. соч.– С. 158.

²⁶⁷ Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима.– С. 43.

К этому лес небольшой!...» (Sat., II, 6.110).

Марциал воспевает морскую прохладу в Формии:

«Фетиду бороздит здесь ветерок мягкий,
Не дремлют волны, но живая гладь моря
При легком дуновенье челн несет пестрый;
Прохладой веет тут, как будто бы дева
Полой пурпурной машет, не любя зноя;
Добычи в море леска здесь не ждет долго,
Но лишь закинь ее с постели иль с ложа,
Уж сверху видно: тащит в глубь ее рыба...» (11–18).

Цицерону нравилось, что его вилла в Арпинуме расположена в месте слияния двух рек. У Плиния было две виллы на берегу озера Комо, а Катулл любил свою виллу в Сирмионе, расположенную на краю полуострова, вдававшегося в озеро Гарде. Сенека писал: «До каких пор не будет у твоей виллы озера или источников, изобильно омывающих твой сад?»²⁶⁸. Самыми многочисленными были виллы на берегу моря, особенно в Кампании или в Байском заливе, где римские богачи «погружали в море мраморные стены своих дворцов; обширные портики смотрелись в голубые волны; в них жили мраморные боги под сенью рощ с блистающей листвой»²⁶⁹.

Горы важны были тем, что они могли давать тень, столь необходимую на юге. С другой стороны, горы – это красиво. Здесь из области практической пользы мы переходим в область прекрасного. Они часто встречаются в описании восхитительных пейзажей: Общий вид местности прекрасный: представь себе огромный амфитеатр, такой, который может придумать только природа. Широко раскинувшаяся равнина опоясана горами, вершины которых покрыты высокими старыми рощами...» (Plin. Epist., V, 6.7); «Комната сверкает мрамором; двери открываются в зелень листвы; из одних окон смотришь вверх на зеленый склон, из других вниз...» (Plin. Epist., V, 6.38);

²⁶⁸ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – С. 169.

²⁶⁹ Робер Ж.-Н. Указ. соч. – С. 169.

«Был там источник Пеге у подножия горы Арганфа,
влажное жилище, милое Финийским нимфам...» (Prop., I, 35).

Добавим, что римлянами великолепно использовался гористый рельеф для устройства целой системы террас, соединяющихся пандусами и лестницами; и на площадках которых разбивались сады. А текущую с гор воду, использовали, чтобы обустраивать бассейны, фонтаны, искусственные водопады.

Все это показывает, что дикая природа также приобретает эстетический критерий, но только как создание рук человеческих. Плиний Младший, не скупившись на описание своего этрусского имения, закончил письмо следующими словами: «...я отдался своей любви: я люблю то, что почти целиком создал сам или что усовершенствовал...» (V, 6.41). Прогуливаясь ли по прекрасным паркам, находясь ли внутри роскошного имения, римлянин неминуемо оценивал красоту окружающей местности. Именно поэтому при выборе места для имения, в целом, и площадок для возведения террас, в частности, учитывались открывающиеся виды на море, гористые склоны, архитектурные ансамбли.

Показательно, и то, что в описаниях варваров, выполненных римлянами, постоянно в качестве их "места обитания" фигурируют *solitudines* (большие невозделанные пространства): как раз потому, что враждебная природа препятствует зарождению и развитию цивилизации. Или говорится о сумрачных областях, расположенных у крайних пределов земли, где из-за невозможности контактов с цивилизованным миром может царствовать только *ferocia* (дикость), которой благоприятствует тьма, нависшая над этими районами. Но типичная среда варвара – лесная чаша, труднодоступная, а значит таящая опасность, богатая растительностью и потому темная: возможность спрятаться в ней способствует сохранению примитивного образа жизни у ее обитателей²⁷⁰.

---

²⁷⁰ Феделли П. Указ. соч. – С. 108.

Итак, можно сказать, что на протяжении всей истории Рима, природа являлась одним из самых значимых аспектов повседневной жизни его общества. Не менялось это и в рассматриваемый период. Однако, начиная со времени поздней республики, природную среду римлянин подстраивает под новые идеалы быта. В городе появляются множество природных зон (рощей, садов, парков), обеспечивающих досуг его населению. Практически все эти места характеризуются визуальной пестротой и массивностью, что также было значимым, во-первых, для формирования целостного (с архитектурными постройками) облика Рима, во – вторых, для подачи идеи процветающего под эгидой мудрого правления императора города.

Так, вид нетронутого природного ландшафта уходит в прошлое, сменяясь ухоженными, искусственно преобразованными человеком пространствами. Данное утверждение подтверждают как литературные источники, так и стремление состоятельных римлян приукрасить и ландшафт сельской местности. Здесь также создается множество декоративных садов, лужаек, парком. Гористые склоны Италии широко используют для устройства обширных садов; стекающую с них воду превращают в «домашние» водопады, подчиняют русло для создания прудов и фонтанов. К слову, красотами дикой природы начинают любоваться, воспевать, но с оговоркой, что в ее облике были следы деятельности человека, поскольку нетронутая, она ассоциировалась с диким и враждебным варварским миром.

В целом, представления о красоте окружающей римлянина природной среды выражались в обилии зеленых насаждений: густо засаживались растениями, но, преимущественно, сортами, дающих зелень различных оттенков; в умении сочетать различные природные элементы: зелень комбинировалась с водой (ручьями, фонтанами и т.п.), с камнем (скульптурами, архитектурными постройками – гроты, пещеры, мраморной мебелью – скамьи, столы). В сельской местности эти обустроенные места также выражали и искреннее тяготение к природе, и порывы к новым удовольствиям, открывшимся для римлян с приходом нового образа жизни.

Вывод к главе II. В рассматриваемый период времени представления римлян об оформлении быта меняются. В жилищах наблюдается стремление к монументальности. В оформлении красивым становится обилие декора, разнообразие и яркость орнаментировки. Однако в основе всех вещей сохраняются прежние римские конструктивные традиции и элементы. Конструкция и назначение мебели остается прежней, меняется лишь ее внешний вид посредством использования накладок и аппликаций. В устройстве дома римляне продолжают придерживаться образцов этрусского строительного искусства, хотя прибавляя на греческий лад множество комнат индивидуального назначения.

При этом всюду наблюдаются попытки совмещения римских форм и греко – восточных черт бытовой эстетики, что зачастую приводит к дисгармонии в восприятии получившейся атмосферы жилища.

Провинциальное прошлое римлян подталкивает к созданию прекраснейших уголков природы вокруг этих жилищ. В период принципата появился вкус к устройству парков и садов, как в самом Риме при домах и дворцах, так и в его провинциях при усадьбах. И здесь также понимание красоты заключалось в обилии орнаментов из зелени, в умении сочетать различные природные элементы (зелень, воду, камень), и даже искусно использовать климатические особенности Италии, а также визуальный вид окружающих ландшафтов и прилегающих архитектурных построек.

Такие места идеально подходили для приятного времяпрепровождения в тени деревьев под журчанье воды и пение, и созерцания окружающих пейзажей. Но и здесь визуальное наслаждение доставляли лишь искусственно преобразованные ландшафты. Всюду свое окружающее пространство римлянин подстраивает под новые идеалы быта.

Так, повсеместно усложненные формы предметной среды приходят на смену простоте и минимализму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение представлений о красоте в римском обществе I века до н.э – I века н.э. осуществлялось в рамках истории повседневности, но также при дополнительном анализе всех сфер жизни римлян. Ведь развитие римской цивилизации характеризовалось устойчивой связью хозяйственной, государственно-политической и личной бытовой сторон. И малейшие изменения в одной из сфер неизбежно отражались на нравах и быте римского населения.

Эпоха принципата являлась временем развития и трансформации различных аспектов существования общества. К примеру, у Овидия и Ювенала мы встречаемся с убеждением, что жизнь усложняется, и усложнение это происходит за счет накопления богатств вследствие победоносных войн Рима. С возрастающей динамикой внешнеполитических взаимодействий, римляне стали замечать и более активно воспроизводить красоту эллинской культуры. Простота повседневности, характерная для царских времен и времен ранней республики становится неприемлемой. Общество «окультуривается». Греко–восточное влияние обогащает быт утонченностью, изысканностью, комфортом.

Так, возникают несколько идеалов красоты человека. У Горация, Марциала, Ювенала обществом приветствуется не свойственная природе итальянцев белая кожа. Многие из упомянутых авторов говорят и об искусственной смене цвета волос. Овидий дает перечень множества видов женских причесок, и советы римлянкам уметь украшать себя, а Люцилий, Марциал и Петроний высказывают непонимание поведения юношей и щеголей в возрасте, завивающих свои волосы горячими щипцами, что, судя по частоте упоминания в источниках также приобрело широкое распространение.

От простого к сложному развивается и римская одежда. Она становится разнообразнее и роскошнее. В употребление входят дорогие материи, нетрадиционные покрои. По свидетельству Марциала и Горация красивой у муж-

чин становится укороченная туника, белоснежная тога со множеством складок. Валерий Максим, Сенека Младший и Ювенал свидетельствуют вовсе о смене римской одежды гардеробом греческого происхождения. Со сменой ценностей, и у женщины изменились представления об эстетичности своего одеяния. Римлянки, пытавшиеся привлечь внимание общества, увлекаются обилием украшений и аксессуаров и вызывающими нарядами из тонких ярких тканей.

В целом, римлянин учится не только украшать себя, но и ухаживать за своим телом, соблюдать гигиену. Многие авторы свидетельствуют об общедоступности и популярности терм, о вхождении в практику ежедневного туалета водных процедур и чистки зубов. Марциал, Петроний указывают на распространение обычая умощения тела различными притираниями - маслами, ароматическими веществами. Сенека, Ювенал, Цицерон упоминают распространенную среди юношей и знати процедуру удаления с тела волос.

Все перечисленное занимало немало времени и средств. И естественно, что в этом случае речь идет о представителях элиты. В низших кругах знания о культуре гигиены и опрятности, а также возможности воссоздать новый идеал оставались на примитивном уровне, и представления на этот счет сводились к довольствованию естественным ходом вещей. Недаром у современников высмеиваются попытки некоторых модников блеснуть модными средствами при небрежности общего вида. В частности у Овидия, Марциала и Ювенала часто осуждается неопрятность во внешности.

Судя по источникам бедность, простота во внешности становится не актуальной. Начался кризис консервативной идеологии и проявился он в разрушении образа сурового римлянина с его неприхотливым бытом, описываемого и Плутархом (на примере Цензора Катона), и Сенекой Младшим (идеализировавшим Сципиона Сташего). Красота внешнего вида становится на службу практических целей римлян: посредством своего облика продемонстрировать значимость, приобрести высокую оценку и уважение в обществе.

В работе проанализировано множество источников, где можно встретиться с убеждением, что с приходом новой жизни, – лучшее осталось позади; что нравы безвозвратно утрачены, и некогда великий Рим камень за камнем сыпется в праздности и разврате его жителей. Его доблестные мужи стали изнежены и капризны, а достойные жены променяли свою великую добродетель на самоцветы и заморские ткани. Вполне объяснимо в связи с этим возрождение старых идеалов, внешними атрибутами которых была незамысловатость в оформлении внешности, нерушимость традиций состава гардероба (туника, тога, кальцеи). Но поскольку первое воспринималось пережитком развития и лицемерием, а второе – наглой кичливостью, богатством и утратой нравственности, то общество ищет «срединное» решение проблемы. Высказывается мнение о необходимости воспринять нормы гигиены, следить за опрятностью внешнего вида – чистота, целостность и соразмерность одежды, ухоженность стрижки, ногтей, но отказаться от новых способов украшения и «излишней» роскоши. Однако найти компромисс не удавалось; одни по прежнему оставались верны неотесанности предков, а другие «завивали себе кудри каленым железом».

На материале римских текстов, археологических и исследовательских работ проанализировано и развитие предметного мира римлян, а именно виды римских жилищ, особенности их оформления и отношении римлян к природной среде с целью определения ее эстетического значения для них. Дома богачей приобретают практически царские размеры и соперничают друг с другом в изяществе. Витрувий определяет оптимальной застройку дома с множеством комнат для уединения хозяев и обширными помещениями для проведения пиров. Разные авторы описывают богатое убранство этих домов, наличие множества предметов роскоши – скульптур, картин, дорогих ваз и кубков привезенных из завоеванных стран, и использование дорогостоящих накладок в оформлении, привнесенных также извне.

Не менее роскошны и сады, окружающие эти жилища, о чем свидетельствуют описания вилл многих современников. В целом, природная среда

встает на службу римлян, приобретая эстетическое значение. В городе природные променады не только места отдыха для жителей, но и средство подачи идеи процветающего Рима под эгидой мудрого правления. Однако, без следов преобразования человеком, природа становится безынтeресной и воспринимается римлянином дикой и опасной. Истинно красивыми считаются лишь искусственно преобразованные ландшафты, характеризующиеся богатством и разнообразием декоративных насаждений, искусными комбинациями различных элементов – камня, воды, зелени, гармоничностью визуального вида созданных природных зон и прилегающих архитектурных построек и окружающей местности.

Важно, что для одних новые греко–восточные формы обрамления жизни, выражающиеся в отходе от традиционных образцов, в преобразовании, декорировании и обогащении предметной среды прекрасны; у других же этот стиль вызывает отторжение, и они остаются привержены старым идеалам и видят красоту в незатейливом, натурализованном быте.

Несомненно, что это разлад в представлениях о красоте стал моментом зарождения нового идеала, заключавшегося в преобразовании греко–восточных веяний на римской почве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Источники

- 1) Катон Марк Порций. Земледелие. / Пер. Сергеев М. Е. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 226 с.
- 2) Гай Валерий Катулл. Книга стихотворений. / Пер. Шервинского С. В. – М.: Наука, 1986. - 304 с.
- 3) Цицерон. О предметах искусства. / Пер. Н. Б. Журенко. // Цицерон. Эстетика. – М.: Искусство, 1994. – 540 с.
- 4) Вергилий. Буколики. / Пер. Петровского Ф. А. // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. - М.: Художественная литература, 1979. – 550 с.
- 5) Вергилий. Георгики. / Пер. Петровского Ф. А. // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1979. – 550 с.
- 6) Вергилий. Энеида. / Пер. Петровского Ф. А. // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1979. – 550 с.
- 7) Гораций. Сатиры. / Пер. Дмитриева М. // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. / Под ред. Ошерова С. А. – М.: Художественная литература, 1970. – 480 с.
- 8) Гораций. Оды. / Пер. Дмитриева М. // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. / Под ред. Ошерова С. А. – М.: Художественная литература, 1970. – 480 с.
- 9) Гораций. Эподы. / Пер. Дмитриева М. // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. / Под ред. Ошерова С. А. - М.: Художественная литература, 1970. – 480 с.
- 10) Гораций. Послания. / Пер. Гинцбурга Н. С. // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. / Под ред. Ошерова С. А. - М.: Художественная литература, 1970. – 480 с.
- 11) Тит Ливий. История Рима от основания Города // Тит Ливий. История Рима от основания Города. Том I. / Под ред. Голубцова Е. С. – М.: Наука, 1989. – 204 с.

- 12) Секст Проперций. Элегии./Пер. Любжина А. – М.: Издательство Греко - латинского кабинета, 2004. – 273 с.
- 13) Витрувий. Десять книг об архитектуре. / Пер. Ф. А. Петровского. – М.: Издательство Академии архитектуры, 1936. - 338 с.
- 14) Овидий. Наука любви. / Пер. Гаспарова М. Л. // Овидий. Собрание сочинений. Том I. /Под ред. Чистобаева С. В. – СПб.: Студия Биографика, 1994. – 484 с.
- 15) Овидий. Любовные элегии. / Пер. С. В. Шервинского. // Овидий. Собрание сочинений. Том I. /Под ред. Чистобаева С. В. – СПб.: Студия Биографика, 1994. – 484 с.
- 16) Петроний. Сатирикон. / Под ред. Ярхо Б. И. - М.: Всея Москва, 1990. – 240 с.
- 17) Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. / Пер. Трохачева С. Ю. – СПб.:Издательство С.-Петербургского ун–та, 2007. – 308с.
- 18) Сенека. О счастливой жизни. / Пер. Янушевского С. Ц. // Сенека. Философские трактаты. – СПб.: Алтейя, 2001. - 400 с.
- 19) Сенека. Нравственные письма к Луцилию /Пер. Ошерова С. А. – М.: Наука, 1993. – 383 с.
- 20) Тацит. Германия Тацит. / Пер. Бобовича Я. // Тацит. Сочинения в 2-х тт. – М.: Наука, 1993. – 376 с.
- 21) Марциал. Эпиграммы. / Пер. Петровского Ф. А. – СПб.: ОАО Комплект, 1994. – 448 с.
- 22) Плиний Старший. Естествознание.Об искусстве. / Пер. Тароняна Г. А. – М.: Ладомир, 1994. - 924 с.;
- 23) Плиний Младший. Письма Плиния Младшего. Панегирик Траяну. / Пер. Сергеенко М. Е., А. Доватура А. – М.: Наука, 1982. – 407 с.
- 24) Плутарх. Сравнительные жизнеописания. / Пер. Маркиша С. П. – М.: Наука, 1994. – 706 с.
- 25) Ювенал. Сатиры. /Пер. Петровского Ф. А. – М.: Изд-во «Алтейя», 1994. – 221 с.

26) Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. / Пер. Гаспарова М. – М.: Наука, 1964 – 368 с.

II. Литература

27) Анджела А. Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьёзы. – М.: КоЛибри, 2010 – 480 с.

28) Бобровникова Т.А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена / Т.А. Бобровникова. М.: Молодая гвардия, 2001. – 493 с.

29) Блаватский В.Д. Природа и античное общество. – Москва.: Наука, 1976.– 237 с.

30) Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. Пер. Ронина В. К. – М.: Высшая школа, 1988 – 496 с.

31) Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. / Новиков А.А. – М.: Алтейя, 1995 – 598 с.

32) Гуревич Д., Рапсат - Шарлье М.–Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. - М.: Молодая гвардия, 2006 – 261 с.

33) Звиревич В.Т. Римский образ жизни и его ценности в представлении Цицерона. / Исседон. Том II., УрФУ, 2003 – стр. 111– 123

34) Каган Ю.М. О латинских словах, обозначающих одежду / Г.С. Кнабе // Быт и история в античности / Под ред. Г.С. Кнабе. М.: Наука, 1988. – С. 127 – 142.

35) Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи / Пер. И. И. Маханьковой. – М.: Молодая гвардия, 2008 – 420 с.

36) Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003 – 431 с.

37) Кнабе Г. С. Древний Рим – история и повседневность. – М.: Искусство, 1991 – 288.

38) Кнабе Г. С. Быт и история в античности – М.: Наука, 1988 – 272 с.

- 39) Кнабе Г. С. Категория престижности в жизни Древнего Рима // Кнабе Г.С. Быт и история в античности / Под ред. Г.С. Кнабе. М.: Наука, 1988. – С. 163 – 169.
- 40) Кнабе Г. С. Цицерон, античная классика и рождение классицизма. // Цицерон. Эстетика. – М.: «Искусство», 1994 – 540 с.
- 41) Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – М.: Наука, 1994. – 522 с.
- 42) Кнабе Г. С. Древний Рим. История, культура, искусство. // Избранные труды. Теория и история культуры. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 132 – 157.
- 43) Кнабе Г. С. Внутренние формы культуры. // Избранные труды. Теория и история культуры. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 158 – 170.
- 44) Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. – М.: Искусство, 1986. – 200 с.
- 45) Коуэль Ф. Древний Рим. Быт, религия, культура. / М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006 – 229 с.
- 46) Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I - II вв. н. э. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. - 413 с.
- 47) Ошеров С.А. Крестьянский быт в поэме «Moretum» / Кнабе Г.С. Быт и история в античности - М.: Наука, 1988 - С.114-125
- 48) Роббер Ж.–Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. – М.: Молодая гвардия, 2006 – 228 с.
- 49) Свенцицкая И.С. Женщина в раннем христианстве. // Женщина в античном мире. / Под ред. Маринович С. П. – М.: Наука, 1995. – С. 157 – 167.
- 50) Сергеенко М. Е. Помпеи. / Под ред. Вавилова С. И., Юдина П. Ф. – М.: АН СССР, 1949. – 316 с.
- 51) Сергеенко М.Е. Простые люди Древней Италии. – М., Наука, 1964.
- 52) Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. – М.:Летний сад 2000 – 368 с.

- 53) Сергеев М.Е. О Плинии Младшем. // Плиний Младший. Письма Плиния Младшего. Панегирик Траяну. / Пер. Сергеев М. Е., А. Доватура А. – М.: Наука, 1982. – С. 274–283.
- 54) Суздальский Ю.П. На семи холмах. Очерки культуры Древнего Рима. – М.: Просвещение, 1965 - 400 с.
- 55) Таривердиева С. Э. Строительная деятельность Марка Агриппы в Древнем Риме. / Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014, – С.6 – 25
- 56) Уотс Д.Дж., Уотс К. М. Древнеримский жилой комплекс. / В мире науки. №2, 1987 – С.92 – 125.
- 57) Утченко С. Л. Две шкалы римской системы ценностей. / ВДИ 1972 №4 / Под ред. Бонгар-Левина Г. М. - М.: Наука, 1972 – С.22 - 33.
- 58) Утченко С. Л. Еще раз о римской системе ценностей. / ВДИ 1973 №4 / Под ред. Бонгар-Левина Г.М. – М.: Наука, 1973 – С. 30 – 47.
- 59) Утченко С. Л. Теория падения нравов. // Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. – М.: Наука, 1969 – 318 с.
- 60) Федели П. Человек и природная среда в Римском мире. /ВДИ 1995 №3 / Под ред. Бонгар–Левина Г. М. - М.: Наука, 1995 – С.103-109.
- 61) Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. – Ростов-на-Дону.: Феникс., 1998.
- 62) Ферреро Г. Величие и падение Рима. Том I. Созание империи./Пер. Захарова А.А. – СПб., Наука, Ювента., 1997 – 480 с.
- 63) Фридлиндер Л. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов. Часть I. /Пер. Зелинского Ф. – СПб.: Издание «Брокгауз-Ефрон», 1914 – 615 с.
- 64) Чаплыгина, Н. А. Римская женщина в правление Августа // Женщина в античном мире / Под ред. Маринович Л. П. – М.: Наука, 1995. – С. 104–131.

III. Электронные ресурсы

- 65) Велишский Ф. Быт греков и римлян. – Прага, 1878 – Электронный архив «ЯрГУ им. П.Г.Демидова».: [Электронный ресурс]. – URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1441> - (дата обращения 27.01.16 г.).
- 66) «Симпосий Συμπόσιον».: [Электронный ресурс]. – URL: <http://simposium.ru/> (дата обращения 04.11.15 г.).
- 67) «История Древнего Рима».: [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/> (дата обращения 27.11.15 г.).
- 68) Квашин В.А. «Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн». – Электронный архив публикаций.: [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/kvashnin/kvash02-02.htm> (дата обращения 15.11.15 г.).
- 69) Бритова Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А. Римский скульптурный портрет.– Электронный архив публикаций.: [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/art/rsp/index.htm> (дата обращения 25.02.16 г.).
- 70) Вуд С. Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа. / Пер. С.Э. Таривердиевой. – Электронный архив публикаций.: [Электронный ресурс]. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977> – (дата обращения 06.02.16 г.).